

ВАЛЕНТИН РУНОВ

ПОЛКОВОДЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

РУССКАЯ АРМИЯ В ЛИЦАХ

Гении войны

Валентин Рунов

**Полководцы Первой Мировой.
Русская армия в лицах**

«Яуза»

2014

Рунов В. А.

Полководцы Первой Мировой. Русская армия в лицах /
В. А. Рунов — «Яуза», 2014 — (Гении войны)

Одним из главных памятников победе над Наполеоном стала знаменитая Галерея героев Отечественной войны 1812 года. После нашего поражения в Первой Мировой и падения Российской империи не только лица, но даже имена большинства русских военачальников были преданы забвению. Но не их вина, что героические усилия нашей армии не увенчались величайшим триумфом русского оружия. Россия не была разгромлена на поле боя, но повержена предательским ударом в спину – не будь революции, лето 1917 года должно было стать победным. Эта книга – галерея героев Первой Мировой, которую современники тоже считали Отечественной, анализ военного искусства лучших военачальников русской армии, от генералов Брусилова и Алексеева до Корнилова, Юденича, Эссена и Колчака.

© Рунов В. А., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Введение	6
Глава первая	9
Миф о 1913 годе	9
Борьба министерств	12
Флот	15
Адмирал Иван Григорович	18
Армия	23
Генерал Владимир Сухомлинов	27
Работа Генеральных штабов России и Германии	33
Глава вторая	40
Высший орган военного управления	40
Великий князь Николай Николаевич (младший)	42
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валентин Рунов
Полководцы Первой Мировой.
Русская армия в лицах

© Рунов В. А., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Введение

В августе 1914 года вспыхнула война, которую позже историки окрестили Первой мировой войной. Официально причиной к началу войны стало убийство в Сараеве 15 июня 1914 года эрцгерцога Франца Фердинанда, реально – желание правительств многих стран Европы произвести передел мира. В эту войну было втянуто множество государств, в том числе и Российская империя.

Для ведения военных действий с рубежа западной границы Российской империи против Германии и Австро-Венгрии Россия развернула два фронта в составе девяти армий и создала высший орган управления – Ставку Верховного главнокомандующего. Такого в ее истории еще не было.

В мирное время Российская империя в военно-административном отношении делилась на военные округа, а высшим воинским формированием сухопутных войск был армейский корпус, состоявший из нескольких дивизий. Непосредственная подготовка Верховного главнокомандующего, командующих фронтами и армиями, а также их штабов в мирное время практически не проводилась. Войсковые учения (маневры) носили скорее парадный, чем практический характер. Поэтому первые назначения на высокие воинские должности осуществлялись, исходя из различных критериев, в которых непосредственно боевые и управленческие качества генералов практически не учитывались.

Начало войны, особенно неудачи Восточно-Прусской операции, показали слабость высшего звена управления русской армией. Управление в масштабе двух фронтов со стороны Ставки не наблюдалось, крайне низким было качество управления войсками армий со стороны Северо-Западного фронта. Не прослеживается и четкость планирования и проведения операции Юго-Западного фронта. Армейские операции, которые не были составной частью операций фронтов, сами зачастую распадались на отдельные бои корпусов, дивизий, бригад, полков...

Только после этого начались замены командующих, начальников их штабов. Но на смену ушедшим нередко приходили люди, также не способные управлять столь крупными объединениями. Личное мужество отдельных военачальников при их низких управленческих качествах не спасало положения.

Летом 1915 года император Николай II решил лично занять пост Верховного главнокомандующего, в очередной раз сменив некоторых военачальников. Но это не помогло делу. Император не мог превратить страну в единый военный лагерь, мобилизовать все ее силы на победу. Русские войска продолжали терпеть поражения. Крупнейшая наступательная операция Юго-Западного фронта июня 1916 года не была реализована не только в стратегическом, но и во фронтовом масштабе. Кризис высшей военной власти стал налицо и привел вначале к Февральской, а затем – и к Октябрьской революциям 1917 года.

В то же время нельзя не признать, что во главе русских фронтов и армий в период Первой мировой войны стояли интересные люди с прекрасной военной биографией, патриоты своей страны и армии. Многие из них делали все возможное, чтобы привести к победе вверенные им войска, успешно решали и другие вопросы административного и экономического характера. Это были лучшие представители военных кругов своего времени, но время уже играло против них. Слабость высшей государственной и высшей военной власти неуклонно толкала страну в пропасть революций. Некоторые из военачальников к началу революционных преобразований в стране и армии отнеслись весьма положительно. Но большинство из них пали жертвой последующих событий.

Первая мировая война потрясла Европу и получила отклики во всем мире ввиду своей продолжительности, накалу, количеству человеческих жертв и последствиям, аналогов которым не знала военная история.

Потери русских в этой войне были огромными – 10 миллионов убитых и умерших от ран, 20 миллионов раненых. Но всеобщее вооружение народа и агитация привели к тому, что мировая война в России превратилась в гражданскую войну, опустошавшую страну еще пять лет.

Но и противник также понес большие потери. Германия потеряла на восточном театре только убитыми и пропавшими без вести более 300 тысяч человек, Австро-Венгрия – 2 миллиона 764 тысячи, Турция – 250 тысяч. Огромными были и материальные потери этих стран. Данные факторы в совокупности также привели к различным революционным преобразованиям, которые в той или иной мере охватили их территории.

Третью группу составили те страны, которые получили различные материальные и моральные выгоды в результатах этой войны. В их числе были США, Англия и Франция. При чем Соединенные Штаты, вступив в войну на последнем этапе, единственные, фактически не понеся ущерба, получили колоссальные прибыли.

Книга посвящена деятельности лиц высших органов управления: ставка, фронт, армия. Именно в этих звеньях управления рождались и создавались планы, по которым затем действовали войска, именно на их руководителях лежала основная ответственность за победы и поражения. В то же время нужно понимать, что данные люди жили и действовали в специфических условиях Верховной власти, когда приказы сверху не обсуждались, несмотря на их полную абсурдность, а инициатива снизу нередко наказывалась. Это зачастую убивало здоровую инициативу, воспитывало в людях осторожность, доходившую до пассивности.

Сегодня, спустя много лет после событий Первой мировой войны, с позиций накопленных исторических знаний и нового времени, ко многим событиям и героям того периода можно отнестись не просто критически, но и с долей осуждения. Некоторые с уверенностью скажут, что они бы поступили по-другому. Но, как известно, сослагательных наклонений история не терпит, зато она жестоко наказывает тех, кто пренебрегает ее опытом. Достаточно вспомнить начальный период Великой Отечественной войны или действия российских войск в Чечне в начале 1995 года. Тогда советские и российские военачальники также не смогли реализовать возможностей подчиненных войск и допустили грубые ошибки, стоившие многих человеческих жертв и подорвавшие престиж страны и ее Вооруженных сил.

И все же нельзя отказать человеку в праве высказывать свои мнения о событиях и людях прошлых времен. Важно только постараться рассуждать об этом не с партийных, а с человеческих позиций, располагая хорошей научной основой и понимая, что прошлое уже нельзя изменить, но легко можно опорочить. Ведь разрушили же храм Христа Спасителя – памятник героям Отечественной войны 1812 года, снесли памятники М. Д. Скобелеву, императору Александру II, Ф. Э. Дзержинскому... Неужели от этого отечественная история стала богаче? Сегодня в стране нет ни одного памятника или памятного места, посвященного событиям и героям Первой мировой войны. Лишь в некоторых семьях хранятся пожелтевшие фотографии того времени и солдатские Георгиевские кресты. Но чему это дань – памяти или моде – судить трудно. Мне хочется верить, что памяти.

К сожалению, в нашей стране уже многие десятилетия время диктует отношение к истории. Большевики, придя к власти в 1917 году, постарались очернить все и всех, что считалось достоянием России до этого времени. Н. С. Хрущев, получив власть в 50-е годы, принялся бичевать время сталинского правления, хотя сам был активным деятелем того периода, М. С. Горбачев легко отрекся от вскормившей его КПСС. Б. Н. Ельцин, будучи первым секретарем Свердловского обкома КПСС, ничего не сделал, чтобы сохранить место гибели семьи императора Николая II, но, став Президентом России, добился переноса останков царской семьи в

Санкт-Петербург и канонизации личности последнего царя династии Романовых, на совести которого две неудачные войны и миллионы человеческих жизней.

С годами личностей в нашем Отечестве становится все меньше и меньше. Время от времени на политическом небосклоне обозначаются какие-то имена. Но проходит совсем немного времени, и они исчезают так же внезапно, как и возникли. И беда даже не в том, что эти люди зачастую не оправдали возлагавшихся на них надежд. Беда в том, что у нас нет того, что можно назвать «культура памяти». Это и личная ответственность высшего руководителя перед историей за каждого своего ближайшего помощника, и ответственность перед историей каждого, занявшего видный пост в государстве или в армии. К сожалению, этого не наблюдается.

Во главе действующей армии, фронтовых и армейских объединений периода Первой мировой войны не было людей случайных. За плечами каждого из них была многолетняя воинская служба во имя царя и Отечества. Каждый из них мечтал как можно лучше послужить России, не думая при этом о собственной выгоде. В истории не сохранилось сведений о том, что хоть один из фронтовых военачальников участвовал в сомнительных коммерческих предприятиях. Это говорит о многом.

Другое дело рассуждать о том, как повели себя высшие военачальники в 1917 году, когда устои многовекового государства начали рушиться, а император и Верховный главнокомандующий признался в своем бессилии. Ловкие современные писатели тут сразу же «обнаружили» и генеральский заговор, и масонский след. С глубоким «смыслом» начали произносить имена генералов М. В. Алексеева, Н. В. Рузского и многих других. Затем, мастерски разыгрывая карту популярности, они с восторгом заговорили о Л. Г. Корнилове, А. В. Колчаке, А. И. Деникине, прах последнего торжественно был перевезен из-за границы и захоронен в московском Донском монастыре, к его надгробию не знающие свою историю люди постоянно приносят горы живых цветов. Дань моде. А. И. Деникин в 1914–1916 годах командовал бригадой и дивизией, в 1917 отрекся от императора и присягнул Временному правительству, в начале 1920 года, разуверившись в «белой» идее, оставил истекающую кровью Добровольческую армию и на английском миноносце навсегда покинул родную землю.

В Москве, в Новодевичьем монастыре у стен Смоленского собора в числе очень немногих сохранилась скромная могила генерала А. А. Брусилова. Редкий прохожий подходит к этому месту, еще реже живой цветок ляжет на холодный гранит. Страна, многие десятилетия восторгавшаяся военным гением этого военачальника, так и не нашла средств для сооружения ему памятника. А рядом, на Новодевичьем кладбище, как на параде стоят гранитные шеренги советских генералов, подвиги которых неизвестны, а имена давно уже никто не помнит.

Но не будем опускаться до критики и оценок. Задним числом осуждать поступки людей очень просто, еще проще цеплять им ярлыки. В данной книге мы постарались не допустить этого. Страна должна знать своих героев, а каждый из руководителей высшего звена войскового управления периода Первой мировой войны безусловно является исторической личностью, чье имя навсегда вписано в историю. Наша задача – листая страницы исторической книги, осмысленно реагировать на эти имена, представляя события и миллионы людей, стоявших под ними. Возможно, среди этих людей были ваши деды, прадеды. Вспомнив о них, вы прикоснетесь к сокровенным глубинам вашей памяти, и чем глубже ее корни, тем осторожнее должно быть это прикосновение.

Испорченные корни непременно погубят все дерево, и не может быть дерева без корней. Важно найти свои корни или хотя бы с уважением относиться ко времени, в котором они прорастали, к своей стране, как бы она ни называлась, к армии, защищавшей эту страну на полях сражений, к военачальникам, управлявшим этой армией, к ветеранам былых сражений и сегодняшним офицерам... Это нравственные основы любого человеческого общества, считающего себя гражданами государства и связывающего с данной страной будущее детей и внуков. И ради этого будущего стоит немного подробнее разобраться в прошлом.

Глава первая

Накануне грозы

Миф о 1913 годе

Существует миф о том, что в 1913 году Российская империя по своим экономическим возможностям выходила на одно из ведущих мест в мире. Безусловно, это не так. 1913 год стал одним из наиболее значимых для экономики самого Российского государства, которое ввиду ряда причин объективного и субъективного характера по основным показателям существенно отставало от многих других стран.

Россия отставала по объемам промышленного производства от США, Англии, Германии и Франции. Доля ее в совокупном промышленном производстве вышеперечисленных держав составляла всего 4,2 %. В общемировом производстве в 1913 году доля России составляла 1,72 %, при том что доля США равнялась 20 %, Англии – 18 %, Германии – 9 %, Франции – 7,2 %. По размерам валового национального продукта на душу населения Россия уступала США – в 9,5 раза, Англии – в 4,5, Канаде – в 4, Германии – в 3,5, Франции, Бельгии, Голландии, Австралии, Новой Зеландии, Испании – в 3 раза, Австро-Венгрии – в 2 раза.

И это не удивительно. Промышленность России была развита слабо. На 24 472 заводах имелось всего 24 140 электрических, паровых, дизельных двигателей (со средней мощностью 60 л. с.). То есть даже не всякий завод имел хотя бы один двигатель. По энерговооруженности и механовооруженности Россия отставала от США в 10 раз, от Англии – в 5, от Германии, Бельгии, Новой Зеландии – в 4 раза. Уровень производительности труда в промышленности России был меньше чем в США в 9 раз, в Англии – в 5 раз, в Германии – в 4 раза. В 1913 году США выплавляли 25 млн т стали, в то время как в России – 4,2 млн т. Поэтому для покрытия своих нужд Россия ежегодно импортировала из других стран более 1 млн т стали и 8,7 млн т каменного угля.

Безусловно, уровень производства и экспорта прямо пропорционально отражался на уровне доходов, поступавших в российский бюджет напрямую или в виде налогов. В 1908–1913 годах общие суммы доходов, поступивших в российский бюджет, составили 14 987 млн руб. В 1887–1913 годах Запад инвестировал в Россию 1783 млн. золотых рублей, но за этот же период из России было вывезено чистого дохода на 2326 млн. золотых рублей (превышение за 26 лет доходов над инвестициями – на 513 млн золотых рублей). Только по процентам и для погашения иностранных займов ежегодно переводилось за границу выплат до 500 млн золотых рублей (в современных ценах это порядка 15 млрд. долл.).

Параллельно с ростом промышленного производства шел процесс роста цен, прежде всего, на основные продукты питания. Так, оптовые цены в 1901–1912 годах на пшеницу возросли на 44 %, на рожь – на 63, на свинину – на 55,86 %. Естественно, что не менее чем оптовые, возросли и цены на продукцию хлебобулочной промышленности и на мясо в розничной торговле. В целом по России в 1908–1913 годах цены на потребительские товары возросли на 24 %, при том что зарплата выросла в среднем только на 14,5 % (на 34 руб). В результате этого реальные доходы рабочих и служащих существенно сократились. Поэтому не удивительно, что семья рабочего из 4 человек в Санкт-Петербурге расходовала около 750 руб в год. При этом расходы на питание составляли до 100 % оплаты труда главы семьи из 4 человек, а трудились, как правило, все, включая детей. Из оставшейся суммы до 45 % шло на оплату жилья, до 25 % – на одежду и обувь. Для сравнения: у германского рабочего оплата питания семьи отнимала 20–25 % зарплаты (одного взрослого), у английского – 40 %.

Материальная сторона жизни напрямую была связана с состоянием здоровья населения. По данным статистики, в 1913 году в России более 12 миллионов человек (7,26 % населения) были поражены эпидемиями холеры, дифтерии, сибирской язвы, чесотки. Еще 9 миллионов человек страдали малярией, трахомой, коклюшем и т. д. Всего хронических больных заразными болезнями имелось 21 877 869 человек (13,2 % населения страны).

При таком высоком уровне заболеваемости на 10 тыс. человек населения в России имелись всего 1,6 врача, 1,7 фельдшера, 1,7 акушера и повивальной бабки, а в сельской местности 1 врач приходился вообще на 26 тыс. человек. В то же время в США врачей на 10 тыс. человек населения было в 4 раза больше, чем в России, в Германии – в 2,7, в Англии – а 3,5, в Дании, Швеции, Бельгии, Голландии – в 3,2 раза больше. Поэтому не удивительно, что на каждую тысячу новорожденных в возрасте до 1 года в России умирали 263 ребенка. Для сравнения: в Швеции на каждую тысячу родившихся умирали не более 70 детей до 1 года, в Англии – 108, в США и Франции – 112–115, в Италии – 138, в Германии – 151. Таким образом, Россия превосходила по детской смертности страны Европы и США в 1,74 – 3,76 раза.

Как известно, уровень производства и качество здравоохранения напрямую зависят от образованности населения. Россия выделялась низким процентом грамотности своего населения. По статистическим подсчетам, на каждую тысячу человек населения (без учета детей дошкольного возраста) она имела грамотными не более 230 человек. При этом на такое же количество населения Бельгия имела 998 грамотных, Германия – 980, Англия – 816, Франция – 930, Австралия – 816, Австрия – 644, Венгрия – 524, Аргентина – 495, Италия – 440, Португалия – 214 человек. В России 70 % детей и подростков вообще были лишены возможности учиться.

В России в 1913 году число учащихся во всех видах учебных заведений (включая духовные и военные) составляло 9,7 млн. человек (60,6 человека на 1000 жителей). При этом в российских вузах в 1913 году обучались 127 423 человек, в США – 258 000 (в 2 раза больше, чем в России). При этом в США имелось несколько десятков вузов уровня университета, в Англии – 18 университетов, в Германии – 22, во Франции – 14, а в России – только 8 университетов. Поэтому на один университет в России приходилось около 20 млн. жителей, в то время как в Англии – 2,5 млн, во Франции – 2,8 млн., в Германии – 3 млн жителей.

В России имелись ограничения в доступе к образованию. Благодаря известному циркуляру министра просвещения Делянова «О кухаркиных детях», принятого во время царствования Александра III, был перекрыт доступ к образованию лицам из сословий крестьян и мещан. И хотя в 1911–1914 гг. циркуляр фактически не действовал, тем не менее, из обучавшихся в гимназиях 119 тыс. человек выходцы из крестьянских семей составляли всего 15 %. В кадетские корпуса, военные училища выходцы из крестьянских семей вообще не допускались.

Россия считалась аграрной страной, и именно легенды о ее высоких урожаях зерновых уже много лет будоражат воображение некоторых людей. Но на практике все было не так.

Производство сельскохозяйственной продукции в стране, в которой сельское население достигало 80 %, также не было на высоте. Громадные просторы России позволяли ей производить большое количество зерна, но уровень агрокультуры, урожайность и продуктивность были низкими. Даже в 1913 году, получив рекордный урожай зерновых в 80 млн т, Россия на душу населения имела порядка 471 кг зерна, в то время как Англия, Франция, Германия имели около 430–440 кг, Канада – около 800 кг, США – свыше 1000 кг, Аргентина – 1200 кг. И если в общих объемах производства сельскохозяйственной продукции Россия стояла на втором месте после США, то по ее производству на душу населения она занимала только пятое место. Если же брать и другие страны – Австралию, Канаду, то Россия отбрасывалась во вторую десятку и даже ниже.

Причина этого также была очевидной – низкий уровень технического оснащения сельского хозяйства. Более 52 % крестьянских хозяйств аграрной России не имели плугов, обраба-

тывая землю сохами и косулями. В 1913 году в России имелось лишь 152 трактора, в то время как в США, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Дании счет тракторам шел на тысячи и десятки тысяч. Поэтому не удивительно, что в России до 80 % сельскохозяйственных работ производилось вручную.

В России продолжался хронический кризис животноводства. Так, по подсчетам, число рабочих лошадей в сельском хозяйстве на 100 человек сельского населения с 1870 по 1911 год упало с 38 до 30 единиц. Из расчета на 100 человек населения количество крупного рогатого скота и свиней также непрерывно сокращалось. Если в 1896 году оно составляло 67 голов, то в 1901 году – 65 голов, а в 1913 году – 55 голов. В 1914 году в России на тысячу жителей приходилось 293 головы крупного рогатого скота, в США – 622, в Дании – 888 голов. Продуктивность одной дойной коровы в 1913 году в США была выше, чем в России в 3,4 раза, в Швейцарии – в 5,3 раза.

Производство сельскохозяйственной продукции и продуктов питания в России не контролировалось государством, и следовательно, было стихийным. Поэтому частыми были такие явления, как неурожайный год и даже голод. Так, в XIX в. Россия пережила 40 голодовок. В XX в. голодными были 1901/02 г., 1905; 1906; 1907; 1908 год; 1911/12 год. В 1905, 1906, 1907 и 1908 гг. голодало от 19 до 29 губерний, в 1911–1912 годах голод охватил 60 губерний. По различным оценкам, в 1901–1912 годах от голода и его последствий в Российской империи погибли около 8 миллионов человек, почти столько же, как за время Первой мировой войны.

Но даже несмотря на голод, из России в Европу потоком шло зерно. Лозунг царского министра финансов Вышнегородского – «недоедим сами, но вывезем» регулярно претворялся в жизнь. В обмен на зерно в империю с Запада поступали многие промышленные товары, комплектующие для заводов и фабрик, тракторы, автомобили...

Россия сильно зависела от экспорта. Первые самолеты в российской военной авиации были машинами фирм «Ньюпор», «Фарман», «Бристоль-Бульдог», «Сопвич», «Фоккер», а это Англия, Франция, Бельгия. В самой России за 1914–1917 годы было собрано всего 94 самолета «Илья Муромец», и то двигатели и приборы были импортные. На русских эсминцах, крейсерах и линкорах стояли немецкие и шведские турбины, английские гидрокомпасы и дальномеры...

Борьба министерств

Последние годы перед войной были отмечены активной местнической борьбой между Военным и Морским министерствами за средства на развитие материальной части их видов вооруженных сил. При этом Морское министерство всегда опиралось на поражение российского флота в войне с Японией, на мнение английского правительства и усиление вооруженности турецкого флота.

В январе 1908 года Морской генеральный штаб (МГШ) доложил морскому министру, что ранее им совместно с Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) были разработаны на случай войны планы, которые предусматривают минимально необходимые меры, «исполнение коих теперь, в случае объявления войны, надо признать невыполнимыми, а положение Балтийского флота – критическим».

В апреле того же года состоялось совместное совещание морского и сухопутного Генеральных штабов с целью определить меры по предотвращению угрозы Петербургу от неприятельского десанта. Было заявлено, что в настоящем состоянии Балтийский флот не способен качественно выполнить задачу по прикрытию столицы от ударов со стороны моря. Указывалось, что нет запасов угля, на кораблях некомплект (до 65–75 %) офицеров и специалистов, а главное – из необходимых 6 тыс. мин есть всего лишь 1500.

Не в лучшем состоянии была и сухопутная армия. Русско-японская война «съела» почти все мобилизационные и неприкосновенные запасы, обнаружила ряд существенных промахов в боевой подготовке и организации войск. «Наша боевая готовность на западных фронтах настолько пострадала, что, вернее будет сказать, эта готовность совершенно отсутствует», – признавался летом 1905 года военный министр В. В. Сахаров.

Ему вторил и председатель Совета Государственной обороны великий князь Николай Николаевич. Он считал, что русская пехота нуждается в немедленном и коренном переустройстве, а кавалерия требует полной реорганизации. В отношении перевооружения сухопутных войск великий князь указывал на нехватку пулеметов и необходимость замены материальной части тяжелой артиллерии.

Характеризуя состояние армии, помощник военного министра генерал А. А. Поливанов в своем выступлении на закрытом заседании Государственной думы 13 апреля 1912 года заявил, что на 1908 год в армии «не хватало почти половины комплекта обмундирования и снаряжения, потребных для выхода в поле армии военного состава, не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; почти совсем не было некоторых средств борьбы, на необходимость которых указывал как опыт войны, так и пример соседних государств: не было гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой, тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т. е. таких средств, которые в настоящее время признаются необходимым элементом сильной армии, скажу коротко: в 1908 году наша армия была небоеспособной».

К концу 1906 года Военное министерство закончило анализ состояния армии и подсчет средств, необходимых для удовлетворения самых неотложных ее нужд. Полученные цифры ошеломили военного министра А. Ф. Редигера. Министерству только одновременно требовалось 2 133 610 тыс. рублей золотом. На реорганизацию артиллерии нужно было истратить 896 млн рублей, на инженерное дело – 582 млн рублей.

Таким образом, ежегодные расходы Военного министерства должны были возрастать почти на 15 млн рублей, что было непосильным для бюджета страны, что вынужден был признать и сам военный министр, который потребовал от управлений сократить свои претензии, что и было сделано. Но даже по этой программе-минимум одновременно требовалось 425 млн. рублей, не считая увеличения ежегодного бюджета на 76 млн. рублей.

Через два месяца, в марте 1907 года Морское министерство также представило царю свои планы. Николаю II предлагались на выбор, в зависимости от состояния финансовых средств, четыре варианта судостроительной программы, которыми предусматривалось создание от одной до четырех полных боевых эскадр. Для выполнения этих программ требовалось от 870 млн до 5 млрд рублей.

Таким образом, совокупные претензии обоих министерств колебались от 7133 млн до 1295 млн рублей единовременных расходов, т. е. приблизительно от половины до трех годовых бюджетов России 1908 года. И это без учета того, что резко должны были возрасти также ежегодные расходы по обычному бюджету.

Между тем финансовое положение Российской империи было отчаянным. Рассматривая смету на 1907 год, Совет министров откровенно признал, что «финансовое состояние Русского государства грозит самыми тяжелыми осложнениями, и в случае продолжения переживаемого нашим отечеством поистине смутного времени может не хватить средств даже на совершенно неотложные потребности».

9 апреля 1907 года состоялось заседание Совета Государственной обороны (СГО). По повелению царя оно должно было рассмотреть и, как желал того Николай II, утвердить минимальную программу строительства флота, с которого царь предполагал начать восстановление вооруженных сил. Однако СГО, возглавляемый дядей царя великим князем Николаем Николаевичем (младшим), проявил строптивость и не пожелал считаться с ясно выраженной волей Николая II.

Начались дискуссии.

– Подобные затраты на флот для государства непосильны, – заявил Редигер. – И это потому, что мы знаем, что сухопутная армия нуждается в проведении таких мероприятий, без которых не может жить и не может считаться боеспособной.

Но его не хотели слышать, и дискуссия развивалась явно не в пользу армии.

«Необходимейших средств для подъема боеспособности армии нельзя добиться, – жаловался начальник Главного штаба генерал А. Е. Эверт, – а в то же время требуют около миллиарда на морские средства».

Итог выступлений подвел председатель Совета Государственной обороны великий князь Николай Николаевич, заявивший, что надо создать единую программу развития вооруженных сил, в которой средства между армией и флотом распределить бы в соответствии с важностью их для обороны государства. Тогда весь состав СГО, за исключением моряков, проголосовал за предложения своего председателя.

Однако Николай II, в свою очередь, не стал считаться с решением одного из высших государственных учреждений Российской империи, созданного специально для «объединения деятельности высшего военного и морского управления и согласования ее с деятельностью других правительственных учреждений». Он не утвердил предложения СГО и в обход последнего приказал созвать специальное морское совещание, чтобы под личным своим председательством «выяснить безотлагательно ряд вопросов, решение которых дает возможность установить главные основания программы кораблестроения, вполне отвечающей задачам государственной обороны, и позволит немедленно приступить к постройке первой серии новых судов».

Такое совещание состоялось в начале июня 1907 года. Специально подобранный состав этого морского совещания (на него были приглашены лишь два сухопутных генерала) должен был дать ответы на 27 поставленных царем вопросов. Вполне понятно, что моряки подошли к вопросу о развитии вооруженных сил страны с узковедомственных позиций и решительно высказались за немедленное ассигнование средств на строительство флота. По окончании работы этого совещания Николай II утвердил 9 июня 1907 года программу, разрешив морскому министру вносить в смету ведомства в течение четырех лет по 31 млн. рублей.

Развитие Сухопутных войск было существенно заторможено. И только через год, 21 мая 1908 года, Военное министерство, получив предварительно разрешение Совета министров, обратилось в Государственную думу с просьбой об отпуске средств на расходы, необходимые на пополнение запасов и материальной части. Для расходов на эти цели в течение восьми лет (1908–1915) ведомство просило немногим более 293 млн рублей. Но и эту более чем скромную сумму дума не утвердила полностью. Всего по закону от 3 июня 1908 года Военное министерство израсходовало немногим более 92 млн рублей, из них 53 млн для расходов в 1908 году.

Таким образом, последние годы накануне Первой мировой войны прошли в острой местнической борьбе между армией и флотом, хотя каждый из этих видов вооруженных сил требовал к себе большого внимания. Уже с первых шагов по восстановлению вооруженных сил приоритет был отдан флоту. Тогда в высших политических кругах России, под давлением Великобритании, считали, что «создав себе в нужный срок военный флот достаточной силы Россия сразу достигнет того, что союза с нею будут искать самые сильные державы мира, и от России самой будет зависеть использовать эти предложения для достижения тех или других политических выгод, необходимых ей для своего упрочения... Истратить несколько сот миллионов рублей для того, чтобы создать себе в ближайшем будущем такое положение, стоит: они окупятся очень быстро многими и многими политическими последствиями».

Николай II решительно поддерживал моряков и дипломатов, не желая слушать руководителей Военного министерства, требовавших уделять больше внимания реорганизации и развитию армии. В то же время высшее армейское руководство в лице, прежде всего, председателя Совета Государственной обороны, будучи не в состоянии переубедить императора, предпочло самоустраниться от данной проблемы. «Ничего сделать нельзя, – с грустью признавался начальник штаба Петербургского военного округа генерал Бринкен. – Государь, всегда такой добрый и мягкий, при всякой попытке кого бы то ни было сказать что-нибудь против флота, буквально свирепеет, хлопает кулаком по столу и не желает ничего слушать. То же было и с великим князем Николаем Николаевичем, председателем СГО, выступавшим против строительства флота. Это просто какой-то гипноз, и морское начальство делает благодаря этому что хочет».

Из этого следует, что такой важный государственный орган, как Совет Государственной обороны в те ответственные годы не выполнял возложенной на него функции. Правда, императора это, как видно, не особенно волновало. Как утверждают некоторые современники, он крайне редко посещал заседания Совета Государственной обороны и довольствовался тем, что время от времени заслушивал короткие отчеты о его работе и читал некоторые документы, не оставляя на них других резолюций, кроме отметок об ознакомлении. При этом чиновники, привыкшие реагировать только на конкретные указания, получив обратно документ с такой отметкой, как правило, оставляли его без должного внимания. А трения между Военным и Морским министерствами в правительственных кругах расценивали, как соревнование министров, за которым не стоит ничего существенного, кроме личных амбиций.

И все же развитие армии и флота происходило. Морскому министерству удалось накануне войны добиться ассигнования на развитие флота около 800 млн рублей золотом. Немногим больше – 880 млн рублей – было решено ассигновать в 1908–1913 годах на армию. В целом за пять предвоенных лет (1909–1913) суммарный прирост бюджета Военного министерства составил 195,17 млн рублей, а Морского – в 1,5 раза больше, т. е. 285,64 млн рублей.

Флот

Итак, после долгих споров, заседаний и обсуждений в различных инстанциях «малая судостроительная программа 1907–1911 годов», разработанная Морским генеральным штабом, наконец-то была утверждена, и Морское министерство получило возможность летом 1909 году приступить к постройке четырех новых линкоров, предназначавшихся для усиления Балтийского флота. Однако к этому времени в Англии уже был построен новый линейный корабль «Дредноут» (1907), который по вооружению, бронированию и скорости значительно превосходил эскадренные броненосцы периода Русско-японской войны. С появлением «Дредноута» во всех крупных западных странах началось интенсивное строительство линейных кораблей так называемого дредноутного типа.

В декабре 1907 года, после рассмотрения и одобрения тактико-технических заданий, в Морском техническом комитете и Адмиралтейств-совете Морское министерство объявило конкурс на составление проекта линейного корабля. Из 51 эскизного проекта, представленного на конкурс к лету 1908 года, лучшим признали проект Балтийского завода, по которому и решено было строить линейные корабли. Он отличался от других проектов наличием четырех трехорудийных башен главной артиллерии с линейным расположением, лучшей конструкцией корпуса и большей скоростью движения. По данному проекту Балтийского завода, утвержденному 15 июня 1909 года, были заложены в Петербурге четыре линкора, получившие название «Севастополь», «Петропавловск», «Гангут» и «Полтава».

Дальнейшее обострение международной обстановки, с одной стороны, и непрерывный рост германского флота – с другой, настоятельно требовали дальнейшего наращивания морских сил Балтийского и Черноморского флотов. В связи с этим Морской генеральный штаб в 1909 году разработал новую, так называемую «большую» судостроительную программу, рассчитанную на 10-летний срок (1910–1920). Она была рассмотрена 15 августа 1909 года на специальном заседании правительства. Но тогда большинство присутствовавших высказалось за сокращение программы, считая ее непосильной для России.

Но Морской Генеральный штаб не сдавался. Учитывая высказанные замечания, 23 ноября 1909 года он представил правительству сокращенный вариант «большой» программы, по которой намечалось построить для Балтийского флота в те же сроки 8 линкоров, 4 линейных и 4 легких крейсера, 18 эскадренных миноносцев и 12 подводных лодок. В то же время программа была сокращена за счет легких надводных сил и подводных лодок, в которых Балтийский флот ощущал большую потребность.

Но и сокращенная судостроительная программа также не удовлетворила правительство, и она снова была возвращена в Морское министерство на доработку. «Большая» судостроительная программа была одобрена правительством и царем только в марте 1910 года, после чего председатель Совета министров внес законопроект в Государственную думу о размере ассигнований для ее реализации. Дума санкционировала предоставление средств на постройку трех линейных кораблей для Черноморского флота, а рассмотрение остальной части «большой» судостроительной программы вновь отложила.

В конце 1911 года в Николаеве были заложены три линейных корабля типа «Императрица Мария», которые по своим тактико-техническим элементам несколько отличались от балтийского варианта линейного корабля типа «Севастополь». Одновременно для Черноморского флота началось строительство девяти эскадренных миноносцев и шести подводных лодок.

Постройка кораблей для Балтийского флота по «большой» судостроительной программе снова задержалась, так как повторилась та же история, что и с «малой» судостроительной программой. Один из непосредственных виновников этого – вице-адмирал С. А. Воеводский, сме-

нивший на посту морского министра адмирала И. М. Дикова. Он не пользовался авторитетом ни в правительстве, ни в думе, ни на флоте и не мог успешно защищать интересы флота перед правительством. Неспособность С. А. Воеводского руководить отечественным Морским министерством была настолько очевидна, что в марте 1911 года он был снят с должности.

Новым военным министром был назначен адмирал И. К. Григорович, который пользовался большим уважением и авторитетом среди офицеров флота и доверием правительства.

И. К. Григорович понимал, что война с Германией может начаться в недалеком будущем и слабость Балтийского флота неизбежно приведет к тяжелым последствиям. Поэтому сразу же после вступления на пост морского министра он 25 марта 1911 года направил царю обстоятельный и хорошо аргументированный доклад о недопустимости дальнейшего промедления со строительством кораблей для Балтийского флота. Минимальной программой для Балтийского флота адмирал И. К. Григорович считал постройку 4 линейных крейсеров, 4 легких крейсеров, 36 эскадренных миноносцев и 12 подводных лодок с вводом их в строй не позднее 1916 года. К этому же времени намечалось закончить и оборудование главной базы флота в Ревеле.

Доклад морского министра был одобрен царем и правительством, и в соответствии с их решением Морской генеральный штаб переработал «большую» судостроительную программу из расчета постройки вышеперечисленных кораблей для Балтийского флота к 1917 году. В июне 1912 года Государственная дума большинством голосов приняла законопроект о предоставлении ассигнований на их строительство.

19 декабря 1912 года в Петербурге состоялась закладка четырех линейных крейсеров, которые получили название «Измаил», «Кинбурн», «Бородино» и «Наварин». По первоначальному проекту эти корабли должны были иметь водоизмещение 28,5 тыс. тонн и скорость 26,5 узлов. На их вооружении предполагалось иметь девять 356-мм орудий (длина ствола 52 калибра) в трех трехорудийных башнях с линейным расположением, двадцать 130-мм орудий (длина ствола 50 калибров) и четыре 47-мм противоаэропланные (зенитные) пушки. Бронирование борта, башен и рубок должно было достигать от 125 до 250 мм. В 1912 году в проект были внесены некоторые изменения. В частности, решено было установить двенадцать 356-мм орудий (в четырех трехорудийных башнях), двадцать четыре – 130-мм и восемь орудий калибра 75 мм. В связи с этим водоизмещение линейных крейсеров увеличилось до 32,5 тыс. т. По тому времени они были самыми сильными крейсерами в мире. Но бронирование их, так же как и однотипных линейных крейсеров, строившихся в Англии, Германии и других странах, было относительно слабое, что не позволяло им успешно вести бой с линейными кораблями.

В 1913 году на Путиловском заводе в Петербурге были заложены легкие крейсера «Адмирал Бутаков» и «Адмирал Спиридов», а «Светлана» и «Адмирал Грейг» – на Ревельском заводе Русского балтийского судостроительного общества. Кроме того, еще два легких крейсера «Муравьев-Амурский» и «Адмирал Невельской» были заказаны германской фирме «Шихау» в Эльбинге. Последние, оснащенные паровыми турбинными установками, строились главным образом для учебных целей.

Кроме того, в 1912–1913 годах на Путиловском заводе был построен «Новик» – первый эскадренный миноносец с энергетической установкой, работавшей на нефти. По тактико-техническим элементам он заслуженно считался лучшим в мире кораблем этого класса. В 1912–1914 годах по несколько измененному первоначальному проекту «Новика» для Балтийского флота было заказано еще 36 эскадренных миноносцев со сроком готовности последнего из них к 15 апреля 1916 году. Одновременно с эскадренными миноносцами для Балтийского флота было заказано 12 подводных лодок, из них 4 – на Балтийском заводе и 8 в Ревеле.

Однако внесенная в думу программа развития Военно-морского флота так и не была рассмотрена ею, ибо планы введения некоторых новых налогов вызывали неодобрение имущих классов. «Слава богу, – заявил в думе А. И. Гучков, – наше финансовое положение улучшилось

и упрочилось без проведения этой программы... Ближайшая задача – создание морской мощи, создание флота – не потребует приведения в движение этих экстренных мер».

В 1910 году морской министр обратился со специальным докладом к Николаю II. В нем он предложил заложить на Черном море не предусмотренные ранее три линейных корабля новейшего типа и немедленно начать строительство девяти эсминцев и шести подводных лодок, закладка которых первоначально была отнесена Морским министерством на более поздние сроки. Царь в тот же день одобрил представленную программу. После обсуждения ее в Совете министров правительство потребовало и получило от Государственной думы около 151 млн рублей на развитие Черноморского флота 58, причем главный расход – строительство трех линкоров общей стоимостью около 100 млн рублей – не был предусмотрен согласованным с Военным министерством в 1909–1910 годах планом.

Вскоре Морское министерство вновь резко увеличило свои требования. Получив разрешение от царя на пересмотр десятилетней программы, Морской Главный штаб в начале апреля 1911 г. представил Николаю II «Закон об императорском Российском флоте». Он предусматривал создание в течение 22 лет только на Балтике двух боевых и одной резервной эскадры (каждая в составе 8 линейных кораблей, 4 линейных и 8 легких крейсеров, 36 эсминцев и 12 подводных лодок). На Черном море планировалось иметь флот, по мощи своей превосходящий в 1,5 раза силы государств, расположенных на побережье Черного моря. Полное осуществление этого закона требовало от государства более 2 млрд рублей. На крупные корабли планировалось потратить 1404 млн рублей, на легкие крейсера – 354 млн, на эсминцы – 262,5 млн, на подводные лодки – 90 млн, на оборудование баз и вспомогательные суда – 82 млн рублей.

В июне 1912 года «Программа усиленного судостроения Балтийского флота» была одобрена думой. Наконец, уже в самый канун войны, 24 июня 1914 года на строительство линейного корабля, двух легких крейсеров, восьми эсминцев и шести подводных лодок на Черном море дума соглашалась ассигновать еще 110 млн рублей.

Таким образом, благодаря усилиям военного министра адмирала И. К. Григоровича программа перевооружения и развития российского Военно-морского флота накануне Первой мировой войны начала реализовываться достаточно успешно.

Адмирал Иван Григорович

Иван Константинович Григорович родился 26 января (7 февраля) 1853 года в Санкт-Петербурге в семье потомственного дворянина капитана I ранга (затем – контр-адмирала) К. И. Григоровича. Свои детские годы он провел в Ревеле, где учился в Ревельской гимназии вместе со своими сверстниками Владимиром Бэром – будущим первым командиром крейсера «Варяг», и Евгением Егорьевым – будущим командиром крейсера «Аврора».

После смерти отца Иван в возрасте 18 лет поступил на военно-морскую службу и в мае 1871 года впервые ушел в плавание. В марте 1874 года он окончил Морской кадетский корпус в Петербурге и после годичного плавания гардемаринном и успешной сдачи экзаменов в 1875 году был произведен в мичманы с зачислением в состав Балтийского флота.

Затем И. К. Григорович служил на Балтике на различных судах и в различных должностях. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов участвовал на клипере «Забияка» в Цимбрийской экспедиции в Северо-Американские Соединенные Штаты. До 1881 года плавал на «Забияке» в должности вахтенного начальника и старшего офицера. В 1883 году за усердие получил звание лейтенанта и стал командиром своего первого корабля – вначале небольшого портового парохода «Колдунчик», а затем, в 1884–1886 годах, – парохода «Рыбка».

Служебная карьера складывалась удачно. С 1888 года Иван Константинович – флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана, с 1890 года – командир парохода «Петербург», с 1891 года – старший офицер фрегата «Герцог Эдинбургский», флаг-капитан берегового штаба 2-й флотской дивизии, с 1893 года – старший офицер корвета «Витязь», а затем крейсера 1 ранга «Адмирал Корнилов». В 1895 году Григорович назначается командиром крейсера 2 ранга «Разбойник», в 1895 году – командиром монитора береговой обороны «Броненосец», в 1896 году – командиром минного крейсера «Воевода». 22 сентября 1896 года капитан 2 ранга Григорович был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом за участие в 20 морских кампаниях.

В 1896 году потомственный моряк неожиданно назначается на военно-дипломатическую работу и становится военно-морским атташе в Великобритании. Одновременно он работает и морским агентом во Франции, где в Тулоне ведется строительство эскадренного броненосца «Цесаревич» и крейсера «Баян». В феврале 1899 года капитан 1 ранга Григорович принимает командование над строящимся броненосцем «Цесаревич», а по окончании строительства в 1903 году под его командованием этот броненосец совершил переход в Порт-Артур для усиления 1-й Тихоокеанской эскадры.

Там «Цесаревич» стал флагманским кораблем, но в самом начале Русско-японской войны, ночью 27 января 1904 года во время внезапного нападения японских миноносцев корабль был подорван на рейде Порт-Артура. Правда, тогда броневая и противоминная переборки выдержали, и «Цесаревич», имея крен в 17 градусов, оставался на плаву и всю ночь отражал атаки неприятеля. Командир броненосца в этом бою был контужен разорвавшимся снарядом.

Позднее неисправности «Цесаревича» удалось устранить, и флагман Артурской эскадры вновь вошел в строй. 28 июля 1904 года после жестокого боя с японцами он прорвался в Циндао, в 1908 году участвовал в оказании помощи населению итальянского города Мессина, пострадавшего от землетрясения, участвовал в Первой мировой войне, сражался в Моонзундской операции, совершил Ледовый переход из Гельсингфорса в Кронштадт, ходил под красным флагом в годы Гражданской войны под названием «Гражданин», и только в 1924 году корабль был разобран на металл.

Император и наследник на корабле Черноморского флота.

Оправившись от контузии, в апреле 1904 года И. К. Григорович стал Главным командиром Артурского порта, получив чин контр-адмирала. Круг его обязанностей был очень широк: ремонт поврежденных кораблей, организация траления акватории базы и внешнего рейда, постановка минных заграждений на наиболее вероятных путях подхода противника к Порт-Артуру, снабжение эскадры боеприпасами, запчастями и всеми видами довольствия. За период боевых действий в судоремонтных мастерских осажденного Порт-Артура удалось не только вернуть к жизни ряд боевых судов, но и построить подводную лодку. Один из участников обороны писал: «Энергия и распорядительность Ивана Константиновича творят чудеса... Флот существует, и заслуга в том Григоровича бесспорна». За мужество, проявленное при обороне Порт-Артура, Григорович в 1904 году был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени с мечами и мечами к ордену Св. Владимира 3-й степени.

В 1905–1906 годах И. К. Григорович был начальником штаба Черноморского флота и портов Черного моря. 14 мая 1906 года при взрыве брошенной террористами на параде в Севастополе бомбы он был контужен в голову. После убийства командующего флотом адмирала Чухнина он некоторое время командовал флотом.

В декабре 1906 года Иван Константинович был переведен на Балтику, где командовал военным портом в Либаве (Лиепая). Там Григоровичу удалось за короткое время создать мощную судоремонтную базу и сформировать первый в России учебный отряд подводного плавания. За отличную работу в Либаве Григорович в 1908 году был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. А с конца 1908 года Григорович – главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта.

9 февраля 1909 года он был назначен товарищем (заместителем) морского министра и вскоре был произведен в вице-адмиралы. С новым назначением неизмеримо большей стала и ответственность. Пост заместителя морского министра был не столько почетным, сколько убийственно трудным. В его ведении были кораблестроение и судоремонт, вопросы материально-технического и гидрографического обеспечения флота. И это при том, что после окончания Русско-японской войны ни одно ведомство России не находилось в таком крайнем разорении, в каком оказался Военно-морской флот. За пять лет сменившие друг друга на посту

морского министра адмиралы Бирилев, Диков и Воеводский с задачей возрождения флота не справились. Назревала необходимость в коренной реорганизации морского ведомства.

Фото императорской семьи с морскими офицерами на память.

18 марта 1911 года по настоянию Государственной думы морской министр адмирал С. А. Воеводский был отправлен в отставку. На этот пост был назначен И. К. Григорович, а в сентябре того же года ему присваивается звание адмирала.

В последние предвоенные годы И. К. Григорович всецело посвятил себя работе по укреплению Российского Военно-Морского флота. В короткий срок, избавившись от бездельников и интриганов, новый министр организовал работу всех подотчетных ему учреждений, наладил взаимоотношения с Государственной думой и другими высшими органами управления Российской империи, добился почти полного удовлетворения запросов и нужд флота. По воспоминаниям современников, он не был кабинетным руководителем. Его скорее можно было встретить у стапелей верфи, чем в Адмиралтействе. Иван Константинович инспектировал флоты и судостроительные заводы, лично контролировал ход постройки кораблей, подготовку команд и отдельных специалистов. Он осуществил ряд судостроительных программ для Черноморского и Балтийского флотов, учредил совещание по судостроению, которое решало вопросы распределения заказов среди частных предпринимателей и за границей. Накануне Первой мировой войны Россия имела 9 линкоров, 14 крейсеров, 71 эсминец и 23 подлодки.

Шесть лет возглавлял И. К. Григорович Морское министерство России, в том числе и в годы Первой мировой войны. В этой должности его уже нельзя назвать флотоводцем, но, как свидетельствуют факты, администратором он был отменным. Изучив опыт Русско-японской войны, он строил флот на новой основе. Усилиями морского министра в ходе Первой мировой войны флот был усилен еще 9 линкорами, 29 эсминцами, 35 подводными лодками. Были созданы лучшие в мире эсминцы типа «Новик», линкоры типа «Севастополь», первые в мире тральщики, лучшие в мире образцы мин и тралов. В составе флота впервые появились флотилия Северного Ледовитого океана и оперативные соединения-эскадры. Достаточно напомнить, что и через 30 лет, в начале Второй мировой войны основу Советского Военно-Морского

флота составляли корабли, построенные еще в бытность Григоровича военным министром, в том числе все линкоры, 40 % крейсеров и треть эсминцев.

Посещение императором Кронштадта.

Несмотря на это, решением Временного правительства от 22 марта 1917 года адмирал И. К. Григорович был отстранен от должности и отправлен в отставку «с мундиром и пенсией». Временное правительство хотело найти за ним «грехи», но следственная комиссия не нашла ничего крамольного.

Иван Константинович имел возможность уехать из России в 1917 году и после октябрьского переворота, но не сделал этого. Большевики привлекли его к работе в составе Морской исторической комиссии по обобщению опыта Первой мировой войны и боевых действий на море. По заданию этой комиссии он даже написал мемуары. Но служебного пайка не хватало, и зимой 1920 года ему приходилось подрабатывать пилкой и колкой дров. Позже удалось устроиться архивариусом Морского архива, потом – на преподавательскую работу в Высшей школе водного транспорта.

Осенью 1924 года Советское правительство разрешило Григоровичу, уже тяжело больному, выехать за границу для лечения. Он уехал на Французскую Ривьеру и в Россию больше не вернулся.

Остаток своей жизни И. К. Григорович прожил очень скромно во Франции, в курортном местечке Ментон близ Ниццы. Он был полным кавалером орденов Французского легиона, но отказался от положенной ему в этой стране пенсии «по принципиальным соображениям». По этой же причине он отказался и от положенной ему англичанами пенсии «в вознаграждение заслуг Русского флота перед Британским в эпоху Великой войны» Участия в общественной жизни эмиграции Иван Константинович тоже не принимал. Он жил тем, что продавал свои картины, морские пейзажи, которые писал здесь, на набережной Ментона.

Адмирал и последний морской министр Российской империи умер практически в нищете 3 марта 1930 года в Ментоне. Перед смертью он завещал, чтобы его прах был предан родной земле и захоронен в Петербурге, в фамильном склепе рядом с могилой жены. На его могиле в Ментоне была выбита надпись по-английски: «Всегда любимая, всегда дорогая, о Россия, иногда вспоминай о нем, кто так много думал о тебе...»

Армия

После завершения войны с Японией и революционных событий 1905–1907 годов в структуре армии царил полнейшая неразбериха. Под одним и тем же названием скрывались совершенно неоднородные подразделения, части и соединения. Пехотные роты по своему составу делились на одиннадцать видов и имели от 100 до 300 солдат. Число рот в пехотных батальонах было не одинаковым. Полки были следующих типов: пехотные, стрелковые, гвардейские, резервные, крепостные, отдельные, причем в одних полках было по два батальона, в других – по четыре. В округах размеры однотипных частей также разнились. Так, четырехбатальонные полки на Дальнем Востоке были сильнее таких же полков в Европейской России. Двухбатальонные полки в Финляндии качественно отличались от двухбатальонных полков в Закавказье и т. д.

Совет Государственной обороны практически ничего не делал конкретного для изменения положения дел и в конце 1908 года был распущен, а начальник Главного управления Генерального штаба генерал Палицын заменен генералом В. А. Сухомлиновым, командовавшим до того войсками Киевского округа. Выяснилось, что за три с половиной года самостоятельного существования Главного управления Генерального штаба не было составлено даже плана работ. Сдача дел выразилась в том, что генерал Палицын передал генералу Сухомлинову ключ от пустого ящика своего стола. «Когда же я попросил программу по обороне, – вспоминал Сухомлинов, – он трагически указал пальцем на свой лоб».

Военным министром был назначен генерал Редигер, который вместо того, чтобы заняться армией, начал откровенно заигрывать с различными политиками. Это сослужило ему плохую службу и вскоре он был вынужден подать в отставку.

11 марта 1909 года новым военным министром был назначен В. А. Сухомлинов. Историк Кирсновский пишет: «Человек, не лишенный способностей, генерал Сухомлинов отличался властолюбием и вместе с тем поразительным легкомыслием. Своей бодростью и неизменным оптимизмом он нравился Государю и импонировал ему. Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с великим князем Николаем Николаевичем. С крушением Совета Государственной обороны и выдвижением Сухомлинова вражда между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми перешла в открытую ненависть. На фоне этой ненависти и борьбы двух течений – поверхностно-новаторского великокняжеского и ретроградно-бюрократического сухомлиновского – и прошли для русской армии последние пять лет перед Мировой войной».

Уже 3 августа 1909 года состоялось первое заседание Особого совещания. Оно заседало пять месяцев. Результаты его работы были доложены правительству 25 февраля 1910 года. В течение ближайших 10 лет новые ассигнования на армию и флот предполагалось делить почти поровну: 715 млн рублей на армию (из них почти половину – 373 млн. – на крепости, 114 млн на строительство стратегических шоссе и только 81 млн рублей на тяжелую артиллерию) и 698 млн. рублей на флот (из них 614 млн. на Балтийский, в том числе 478,8 млн рублей на новое судостроение).

С 1 июля 1910 года русская армия переходила на новую организацию. В результате осуществления этих мер русская армия приобрела значительно более стройную организацию. Несколько улучшалась организация артиллерии.

Нельзя сказать, что это было исключительно заслугой Сухомлинова, его активно поддерживали и другие генералы. Так, в мае 1910 года с протестом против увлечения маринизмом выступил генерал Куропаткин. В сентябре он написал и разослал членам правительства подробную «Записку по вопросу об ассигновании Военному и Морскому министерствам кредитов на неотложные нужды». В ней он утверждал, что если «будут отпускаться на флот суммы,

не соответствующие важности для обороны государства морской силы, то эти отпуска неизбежно отразятся на ослаблении сухопутной армии, составляющей главную силу России». В то же время Куропаткин критиковал и Военное министерство за увлечение развитием крепостей и стратегических шоссе. Основная часть средств, отпущенных на армию, должна была, по его мнению, использоваться на развитие артиллерии, авиации, организацию автомобильного дела и увеличение оснащённости армии инженерным имуществом.

В период 1909–1910 годов Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Но, прежде всего, он добился того, что Главное управление Генерального штаба было подчинено военному министру.

Основными направлениями сухомлиновских преобразований было упрощение организации, усиление материальной части, проведение территориальной системы, сосредоточение внимания исключительно на полевых войсках в предвидении скоротечного характера будущей войны.

Были внесены существенные изменения в стратегический план войны на Западе. Так, основной ареной для стратегического развертывания войск на случай войны были определены не передовой Варшавский военный округ, а другие округа, находившиеся несколько глубже. По плану Сухомлинова, в так называемом «19-м расписании» 1910 года, Варшавский военный округ, как неудобный для развертывания, отдавался врагу без боя. Благодаря этому становилась ненужной система дорогостоящих и неэффективных приграничных крепостей. Правда, на практике этот проект вызывал сильное противодействие со стороны ряда старых генералов и в последующие годы привел к компромиссу: одни крепости упразднялись, другие оставались. Имевшиеся 9 крепостных пехотных полков были сведены в 7 полевых пехотных дивизий. Таким образом, вся пехота была сведена к основным типам 16-батальонной пехотной дивизии и 8-батальонной стрелковой бригады. Учреждены были новые армейские корпуса.

К 1914 году пехота состояла из 70 дивизий и 22 отдельных бригад. Из дивизий 3 были гвардейскими, 52 пехотными, остальные – Кавказскими гренадерскими и Сибирскими стрелковыми. Из бригад: Гвардейская стрелковая, 5 армейских, 4 Финляндские, 2 Кавказские, 6 Туркменских, 1 пластунская и 3 Заамурской пограничной стражи. Всего в этих формированиях насчитывалось 357 полков и 1294 батальона. Пропорция пулеметов у нас была та же, что и в европейских армиях: 2 на один батальон, а в стрелковых полках двойная – 4 на один батальон.

Перед войной русская конница насчитывала 24 конные дивизии (2 гвардейские, 15 Кавказские кавалерийские, 1 Донская, 1 Сводно-казачья, 1 Кавказские казаки и 1 Туркестанская казачья), а также 8 отдельных бригад и 12 отдельных полков. В составе этих формирований насчитывалось 129 полков. Кроме того, было еще 12 различных конных дивизионов и 16 отдельных казачьих сотен.

Правда, в устройстве кавалерии были допущены серьезные ошибки. В 1910 году были упразднены учрежденные в 1906 году 4 кавалерийских корпуса, что негативно сказалось в ходе Первой мировой войны. Жестоким промахом всей организации стало полное отсутствие войсковой конницы, способной вести разведку в интересах пехотных дивизий и корпусов.

Повышалась огневая мощь частей и соединений. Уже к концу войны с Японией при каждой пехотной и конной дивизии была сформирована пулеметная команда из 8 пулеметов Максима на колесном лафете. В 1907 году такую пулеметную команду получил каждый пехотный либо стрелковый полк из расчета 4 пулемета на батальон. Дивизионные пулеметные команды оставлены только в коннице.

В 1910 году на вооружение полевой артиллерии были введены 48-линейные мортиры. Каждый корпус получил по мортирному дивизиону в составе двух батарей по 6 орудий каждая. Обращено, наконец, внимание и на горную артиллерию. Эффективной в стрельбе и транспортировке 3-дюймовой горной пушкой были снабжены стрелковые дивизионы 22 армейского

корпуса и все кавказские корпуса. В 1-м, 4-м и 5-м Сибирских корпусах Приамурского округа были образованы третьи дивизионы артиллерийских бригад, каждый по 2 батареи (8 горных пушек).

Артиллерию в дальнейшем предполагалось значительно усилить, введя мортирные дивизионы в состав полевых артиллерийских бригад, а тяжелую артиллерию – в состав армейских корпусов. В связи с этим в Одессе было открыто в 1913 году Сергиевское артиллерийское училище, специально предназначенное для подготовки офицеров тяжелой артиллерии.

В войска для управления начал поступать искровой телеграф. Начала зарождаться, несмотря на скептическое отношение к этому, военная авиация. Благодаря великому князю Александру Михайловичу были открыты школы для подготовки военных летчиков-офицеров в Гатчине и на реке Каче в Крыму. Предполагалось при каждом корпусе иметь авиационный отряд в 4–6 самолетов. К началу войны в русской армии уже было 39 отрядов, на оснащении которых состояли 216 разнообразных самолетов и 221 летчик.

В осенний призыв 1913 года ввиду возможности войны были призваны 580 тыс. человек. Одновременно демобилизация лиц, призванных в 1910 году и подлежащих увольнению в запас, была задержана на 6 месяцев. В результате этого к весне 1914 года под ружьем находились 2 230 000 человек. Правда, весной этого же года в связи с промахами русской разведки в отношении истинных намерений Германии призыв 1910 года был уволен в запас.

Нужно сказать, что в то время в Российской империи существовала достаточно хорошо продуманная система резервов. Каждый увольнявшийся солдат тут же приписывался в полку второй очереди. Было намечено формирование 35 дивизий 2-й очереди, что с имевшимися первоочередными давало 105 пехотных дивизий и 18 стрелковых бригад.

Русская военная мысль предвоенного времени характеризовалась тремя направлениями.

Основу первого составляли старые генералы, многие из которых занимали высшие места в военной иерархии несмотря на то, что были противниками новых теорий ведения войны. К сожалению, к числу их относился и сам Сухомлинов, который похвалялся, что «двадцать лет не брал в руки ни одной книги по военному делу».

Памятником рутинерства в русской военной мысли стал Полевой устав 1912 года, составленный генералом Рузским и полковником Бонч-Бруевичем. Характерной его особенностью было, прежде всего, игнорирование встречного боя. Все операции классифицировались на «наступательные» либо «оборонительные». При ведении «наступательного» боя уделялось излишнее внимание тщательному выяснению обстановки (вообще в маневренном бою невозможному) и сказывалось стремление руководствоваться действиями противника. Первое влекло к потере времени, ослаблению энергии, проволочкам и трениям при отдаче, передаче и выполнении приказаний. Второе грозило подчинить наши действия воле неприятеля. В «оборонительном» бою главная роль отводилась передовой линии, которая и насыщалась войсками. О каких-либо маневрах силами и средствами в ходе операций не было сказано ни слова.

Военачальнику предписывалось действовать, сообразуясь с действиями противника, т. е. полностью уступая ему инициативу. Поэтому задачи ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, чтобы лучше реагировать на действия противника. В результате отказ от инициативных действий приводил к подчинению воле неприятеля, переоценке врага, недооценке в то же время собственных сил.

Другую группу составляли так называемые «младотурки» – группа военачальников и преподавателей военных академий, которые всецело ориентировались на новейшие достижения западной военной науки, не делая при этом учета особенностей России. Возглавлял ее начальник Императорской военной академии Генерального штаба генерал Щербачев, а входили полковники Головин, Свечин и ряд других. Этому движению сочувствовал даже великий князь Николай Николаевич (младший).

Однако «младотурецкое» движение встретило яростный отпор со стороны представителей первой группы. Борьба закончилась полным разгромом Императорской военной академии Генерального штаба Сухомлиновым в 1913 году, смещением крамольных профессоров и запрещением думать иначе, чем по раз навсегда установленному казенному шаблону. «Младотурки» были загнаны в подполье, но идеи их постепенно стали захватывать все более широкие круги.

Третью группу составляли сторонники формирования теории русского национального военного искусства, т. е. с учетом особенностей России, ее истории и ее народа. Основу этой группы составляли генерал Мышлаевский и полковник Баилов. Но для реализации этих теорий нужны были мощная поддержка и, прежде всего, со стороны военного министра.

Генерал Владимир Сухомлинов

Владимир Александрович Сухомлинов родился 4 августа 1848 года в местечке Тельши (Литва) в семье офицера (в последующем генерал-майор). Его отец Александр Павлович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и вышел в отставку после ранения, полученного в сражении при Шейново, в чине генерал-майора. Мать – Ольга Ивановна Лунская.

В 1861 году Владимир поступил в Александровский кадетский корпус в Вильно. Но летом 1863 года, в связи с реформой военного образования и начавшимся польским восстанием корпус был расформирован, и Владимир Сухомлинов был переведен в Петербург в 1-ю военную гимназию. После окончания гимназии он был зачислен юнкером во 2-е военное

Константиновское училище, но уже через несколько дней переведен в Николаевское кавалерийское училище, которое и окончил в 1867 году.

Строевую службу Сухомлинов начал в 14-м драгунском Нижегородском полку. Боевое крещение получил в боях за Самарканд, и за боевые отличия был награжден орденом Св. Анны 4-й степени с мечами. С 1869 года был помощником военного коменданта крепости Красноводск.

В 1871 году Владимир Александрович поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. После трехлетнего обучения он был произведен в штабс-ротмистры и назначен старшим адъютантом 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, а с 19 марта 1877 года – обер-офицером для особых поручений при штабе 1-го армейского корпуса, затем командовал эскадронном лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка.

Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Первоначально В. А. Сухомлинов занимался организацией гражданского управления в Тырново, затем был направлен к командующему 14-й пехотной дивизией М. Ф. Петрушевскому. С 15 сентября 1877 года состоял в распоряжении главнокомандующего действующей армией великого князя Николая Николаевича (старшего). Сделал ряд рекогносцировок турецких укреплений под Плевной. С 12 октября 1877 года по 5 января 1878 года состоял в Ловче-Сельвинском и Троянском отрядах П. П. Карцова. За боевые отличия в войне награжден в 1878 орденом Святого Георгия 4-й степени и Золотым оружием с надписью «За храбрость». Но уже после заключения перемирия посетил Константинополь, где заразился черной оспой и 15 апреля 1878 года на санитарном пароходе «Буг» был эвакуирован в Россию.

После окончания Русско-турецкой войны Сухомлинов был назначен правителем дел Николаевской академии Генерального штаба. В этой должности он руководил практическими занятиями по тактике и занятиями дополнительного третьего курса. Одновременно Сухомлинов читал лекции по тактике в Николаевском кавалерийском училище и Пажеском корпусе. Также ему было поручено преподавание тактики и военной истории великим князьям Петру Николаевичу и Сергею Михайловичу.

Однако преподавательская работа не привлекала Владимира Александровича. Он рвался в строй, и в 1884 году назначается помощником командира кавалерийской дивизии с производством в генерал-майоры.

В то же время вышестоящее начальство обратило внимание на его заслуги в деле обучения и воспитания слушателей военной академии. В январе 1886 года В. А. Сухомлинов назначается начальником офицерской кавалерийской школы. Находясь в этой должности в течение почти 12 лет, он сделал многое для развития и усовершенствования техники кавалерийского дела в русской армии. За время руководства школой Сухомлиновым были написаны ряд учебных пособий и рассказов, а также историческое исследование о Мюрате. Кроме того, в разное время он сотрудничал с журналами «Разведчик», «Военный сборник» и газетой «Русский инвалид».

Некоторые историки считают, что именно в это время произошел некий разрыв в отношениях между Сухомлиновым и инспектором кавалерии великим князем Николаем Николаевичем (младшим). Возможно, это произошло потому, что Владимир Александрович был достаточно близким к известному в то время военачальнику генералу М. И. Драгомирову, который в конце XIX века командовал войсками Киевского военного округа и который не раз негативно отзывался о великом князе. Факт в том, что по предложению последнего в апреле 1898 года Владимир Александрович назначается начальником 10-й кавалерийской дивизии, входившей в состав войск Киевского военного округа, штаб которой располагался в Харькове. С мая 1899 года он – начальник штаба Киевского военного округа, с октября 1902 года – помощник командующего Киевским военным округом.

Вступив в эту должность, В. А. Сухомлинов начал чаще бывать в Петербурге, где у него завелись обширные знакомства в Военном министерстве и при дворе. Он стал скрытный и осторожный, щедрый на подарки и лесть «нужным» людям. Видимо, поэтому, когда с началом Русско-японской войны генерал Куропаткин предложил Сухомлинову занять пост его начальника штаба, он отказался, объяснив это тем, что не знаком с дальневосточным театром военных действий и сибирскими войсками. На самом же деле Владимир Александрович из дворцовых источников знал, какие на самом деле плетутся интриги вокруг этой войны. Придворные связи проявились и в том, что после произошедших в Киеве беспорядков в октябре 1905 года и в связи с уходом в отставку генерала М. И. Драгомирова 23 октября 1905 года Сухомлинов был назначен на пост киевского, подольского и волынского генерал-губернатора, с осени 1906 года – генерал от кавалерии. Генерал-губернаторство Сухомлинова пришлось на трудное время революции 1905–1907 годов. Несколько раз он становился целью террористов, а после основания Киевского отдела монархической организации «Русское собрание» был его председателем.

2 декабря 1908 года В. А. Сухомлинов был назначен начальником Генерального штаба. Принимая эту должность, он настоял на своем подчинении военному министру, считая необходимым единоначалие. Также он назначается членом Совета Государственной обороны, который возглавляет великий князь Николай Николаевич (младший).

11 марта 1909 года Владимир Александрович занял пост военного министра. С этого момента вся его деятельность была направлена на завершение реформ в русской армии, начатых его предшественниками. Правда, решение задач реформирования армии осуществлялось медленно, не всегда в правильном направлении. Перевооружение велось в основном за счет закупок оружия за рубежом, собственная военная промышленность была очень слабой. Мало внимания уделялось освоению новой техники – самолетов, автомобилей, пулеметов. При Сухомлинове были расформированы резервные и крепостные войска, за счет чего были усилены полевые войска (число армейских корпусов выросло с 31 до 37). В 1911 году была создана военная контрразведка.

В то же время, при работе в Совете министров у Сухомлинова сложились натянутые отношения с министром финансов В. Коковцовым, который стремился всеми средствами сократить военные расходы.

С началом войны, в связи с развертыванием Ставки Верховного главнокомандующего, роль военного министра свелась в основном к вопросам снабжения действующей армии. При этом интриги между Сухомлиновым и некоторыми другими министрами продолжались. Поэтому когда к весне 1915 года обнаружился большой недостаток снарядов и другого военного снаряжения, Сухомлинова стали считать главным виновником плохого снабжения русской армии. Инкриминировались ему и другие «дела», подавляющая часть из которых была следствием интриг в высших кругах власти.

13 июня 1915 года под давлением общественного мнения Сухомлинов был уволен с должности военного министра. Вскоре после этого было начато расследование его деятельности на посту министра. 8 марта 1916 года он был уволен с военной службы, а 29 апреля 1916 года – арестован и находился в заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости на время следствия. Но оно результатов не дало, и 11 октября 1916 года Владимир Александрович был переведен под домашний арест, и у него появилась возможность публичного оправдания. Со стороны императора и других сановников предпринимались попытки свернуть дело Сухомлинова, но министры юстиции А. А. Хвостов и А. А. Макаров не допустили этого, угрожая отставкой.

После отречения Николая II, 1 марта 1917 года В. А. Сухомлинов вновь был арестован. По этому поводу газета «Известия» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 9 марта 1917 года от имени прапорщика 171 пехотного запасного полка Романа Лукича Чиркунова писала:

«28 числа народ, проходящий по Офицерской улице, был обстрелян из дома № 55, где проживал Сухомлинов. По просьбе собравшейся толпы, желавшей обстрелять этот дом, я с депутатами от этой же толпы произвел обыск чердаков и подвалов этого дома, причем в подвале мною найдено было два пулемета системы Кольта и 10 винтовок с запасом патронов и там же арестован переодетый в статское полицейский, оказавший сопротивление. На чердаках было арестовано пять неизвестных при трех револьверах. Все шестеро были отвезены в думу. За домом, где проживал Сухомлинов, был учрежден надзор.

1 марта мне сообщили, что по черному ходу будто бы прошел Сухомлинов и что около дома собралась толпа, желавшая учинить над ним самосуд. Указав толпе, что в наши задачи не входит производить самосуд, так как Сухомлинов не избежит суда, я с депутатами от той же толпы прошел в квартиру. Мне сказали, что Сухомлинова нет дома. Но при обыске Сухомлинов совершенно случайно был найден в своей спальне под периной и с подушкой на голове. Ему было предложено немедленно же одеться, Сухомлинов заявил, что пребывание его известно председателю Государственной думы Родзянко, которому он будто бы послал письмо. Сухомлинов утверждал, что он не скрывался. При обыске квартиры найден один револьвер. Об обыске составлен акт, оставленный у госпожи Сухомлиновой, за подписями всех присутствующих.

При выходе Сухомлинова толпа кричала: «Изменник! Продал родину!» и хотела сорвать с него погоны. Сухомлинов бледный, как полотно, и трясущийся поднял руку и стал клясться, что он невинен, спрашивал, почему Россия недовольна им, ведь он к началу войны выставил четыре с половиной миллиона войск, что пока он был во главе военного ведомства, все было благополучно.

После этой своей речи он был посажен в автомобиль и доставлен в Государственную думу».

Сам Сухомлинов в своих воспоминаниях пишет: «В то время, когда я так отстаивал свою голову, вспыхивает Февральская революция 1917 года, и какая-то компания вооруженных людей арестовывает меня на квартире и везет в Таврический дворец, где уже организовалась новая власть. Во время переезда в грузовом автомобиле субъект в очках держал против моего виска «браунинг», дуло которого стучалось мне в голову на ухабах. Полнейшее мое равнодушие к этому боевому его приему привело к тому, что он вскоре спрятал оружие в кобуру. Затем несколько вопросов относительно моего дела и совершенно спокойные мои ответы на них окончились тем, что первоначальное неприязненное ко мне отношение превратилось в благожелательное.

У Таврического дворца снаружи и в залах, по которым я проходил, была масса народу, и никаким оскорблениям я не подвергался, как об этом неверно сообщали газеты. Действительно, всего один долговязый, кавказского типа человек произнес из дальних рядов: «Изменник». Я остановился и, глядя на него в упор, громко ему ответил: «Неправда!» Тип настолько уменьшился тогда в росте, что головы его больше не стало видно, и я спокойно продолжал дорогу, без малейших каких-либо инцидентов».

Следствие длилось пять месяцев. В качестве соучастницы была привлечена также жена Сухомлинова. Суд проходил с 10 августа по 12 сентября 1917 года. Сухомлинову были предъявлены обвинения в измене, в бездействии власти и во взяточничестве. Большинство обвинений не подтвердилось, однако Сухомлинов был признан виновным в «недостаточной подготовке армии к войне» и 20 сентября 1917 приговорен к бессрочной каторге и лишению всех прав состояния. Правда, затем каторга была заменена на тюремное заключение, и Сухомлинов был заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Жена Сухомлинова была оправдана.

После Октябрьской революции Сухомлинов был переведен в тюрьму «Кресты». 1 мая 1918 года он по амнистии, как достигший 70-летнего возраста, был освобожден и выехал в

Финляндию, а оттуда в Германию. В эмиграции написал «Воспоминания», которые в 1924 году были изданы в Берлине, а в 1926 году и Советском Союзе.

Скончался в Берлине 2 февраля 1926 года.

Воспоминания современников о В. А. Сухомлинове достаточно пестрые. Так, бывший военный министр генерал А. Ф. Редигер писал: «Сухомлинов, по моему мнению, человек способный, он быстро схватывает всякий вопрос и разрешает его просто и ясно. Службу Генерального штаба он знал отлично, так как долго был начальником штаба округа. Сам он не работник, но умеет задать подчиненным работу, руководить ими, и в результате оказывалось, что работы, выполнявшиеся под его руководством, получались очень хорошие».

Запись в воспоминаниях протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского: «Более приятного начальника-сослуживца, как генерал Сухомлинов, мне не хотелось и желать. Умный, простой, сердечный и отзывчивый, Сухомлинов ни в чем не стеснял моей инициативы и охотно шел навстречу всякому моему доброму начинанию. Я не помню случая, когда бы я ушел с доклада не удовлетворенным в своих желаниях и просьбах. В пору назначения меня на должность протопресвитера он был одним из самых близких к Государю, наиболее влиявших на него министров».

Генерал А. А. Брусилов отмечал: «Сухомлинова я знал давно, служил под его началом и считал, да и теперь считаю, его человеком, несомненно, умным, быстро соображающим и распорядительным, но ума поверхностного и легкомысленного. Главный же его недостаток состоял в том, что он был, что называется, очковтиратель и, не углубляясь в дело, довольствовался поверхностным успехом своих действий и распоряжений. Будучи человеком очень ловким, он, чуждый придворной среде, изворачивался, чтобы удержаться, и лавировал для сохранения собственного благополучия».

Лукомский: «Иметь дело с Сухомлиновым было приятно: он был всегда внимателен, вежлив и ровен со всеми. Бесспорно, он был умным и образованным человеком. Он с полслова понимал суть дела и давал свои заключения или указания вполне определенно, кратко, ясно. Но, как я уже сказал, он одновременно с этим был чрезвычайно легкомысленным человеком. Он плохо разбирался в людях и очень часто приближал к себе или сходил с такими, которых нельзя было бы пускать и на порог.

По своей натуре он легко поддавался женскому влиянию. Когда он был назначен начальником штаба, он был женат второй раз. Жена его, Елизавета Николаевна, по первому браку, кажется, Корево, была умная и хорошая женщина, но любившая пожить и собиравшая в своем доме всякую дрянь. Сухомлинов ее очень любил и всячески старался лучше обставить ее жизнь. А так как личных средств у него не было, а жалованья не хватало, то он «наезжал прогоны».

Впоследствии, будучи командующим войсками, а затем и военным министром (особенно на последней должности), после смерти второй жены женился в третий раз (на Бутович, которую он развел с мужем), и разъезды специально для получения крупных прогонных денег стали просто скандальными.

У Сухомлинова был величайший недостаток, который можно было назвать «недержанием языка». Он не мог удержаться, чтобы не рассказывать своим близким или хорошим знакомым какой-нибудь «секрет» или какую-либо новость. Не было исключения и для служебных дел. Мне лично приходилось несколько раз слышать, как он рассказывал в дамском обществе действительно секретные вещи. Было много данных, что это свойство Сухомлинова было отлично известно генеральным штабам Германии и Австро-Венгрии, и им пользовались с целью шпионажа. Последнее же неимоверно облегчалось тем, что как вторая, так и третья жены Сухомлинова были неразборчивы на знакомства и в их гостиных можно было встретить всяких подозрительных лиц».

Посол Франции в России Палеолог оставил такую запись: «Сомнительный человек, этот генерал Сухомлинов... Шестьдесят шесть лет от роду; под башмаком у довольно красивой жены, которая на тридцать два года моложе его; умный, ловкий, хитрый; рабски почтительный перед императором; друг Распутина; окруженный негодяями, которые служат ему посредниками для его интриг и уловок; утративший привычку к работе и сберегающий все свои силы для супружеских утех; имеющий угрюмый вид, все время подстерегающий взгляд под тяжелыми, собранными в складки веками; я знаю мало людей, которые бы с первого взгляда внушали бы большее недоверие».

Работа Генеральных штабов России и Германии

Германия к большой войне в Европе, в том числе и против России, готовилась давно и основательно. Первым западным специалистом, выделившим начальный период войны, по праву можно считать германского военачальника и теоретика генерал-фельдмаршала графа Альфреда фон Шлиффена (1833–1913).

Шлиффен разработал теорию ведения «скоротечной наступательной войны». В этом плане он, во-первых, рассматривал превентивную войну как обязательное условие решения поставленных военно-политических задач. Во-вторых, он был сторонником крайне ограниченных сроков для решения этих задач. Он писал: «Начавшись весной, война до осеннего листопада должна быть окончена полной победой над противником, и «военная машина, требующая миллионов на свое содержание, не может долго стоять... Мы должны изыскивать возможность быстро разгромить и уничтожить врага».

Шлиффен выделил начальный период войны в особый период, не похожий на все другие. Он писал, что война не может начаться стихийно, а является заранее подготовленным актом, требующим создания определенных условий.

В своем меморандуме, известном как «План Шлиффена», он изложил проект плана ведения операций в начальном периоде войны. Разработке этого плана он уделял особое внимание. Он считал, что своевременное сосредоточение, оперативно-стратегическое развертывание, внезапность действий и относительное качественное превосходство германских вооруженных сил над сравнительно более низкими боевыми качествами вооруженных сил противника принесут успех первым.

Важнейшим условием успешного ведения скоротечной войны он считал внезапность и мощь первоначального удара. Он писал, что преимущество будет «за тем, кто первым нанесет удар» и что «первый удар должен быть нанесен всеми силами» и он должен обеспечить достижение «решающего и сокрушительного успеха».

Представляют интерес взгляды Шлиффена на стратегическую операцию в целом. Он видел ее как сумму взаимосвязанных целей отдельных боев даже при отсутствии непосредственной тактической связи войск друг с другом. Он писал: «Не обязательно, чтобы вся масса войск была сосредоточена на одном поле сражения... Речь должна идти не о соприкосновении частей на местности, а об их внутренней связи, необходимой для того, чтобы на одном поле сражения боролись за победу на другом».

Как способ разгрома противостоящих группировок противника в начальном периоде войны Шлиффен рассматривал их глубокий обход и окружение с последующим уничтожением. Он писал: «Простое наступление на неприятельский фронт может удастся, но результат, достигнутый таким наступлением, окажется весьма ограниченным. Неприятеля, правда, оттеснят, но спустя некоторое время он возобновит сопротивление в другом месте, и кампания затягивается... Чтобы добиться решительного и сокрушительного результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, то есть с фронта и с одного или с обеих флангов... Вместо того, чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту... они должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем больше сил будет привлечено к операции, тем решительнее совершится наступление».

Важно то, что Шлиффен не только предлагал проведение охватывающей операции стратегического масштаба, но и многое делал для практической ее подготовки. Так, в период руководства им Большим Генеральным штабом на военных играх и полевых поездках неоднократно отработывались способы окружения и пленения армий противника численностью до 600 тыс. человек.

Представляют интерес взгляды Шлиффена на роль и место укрепленных районов (крепостей) в операциях начального периода войны. Он указывал, что «современные большие крепости не имеют целью способствовать оборонительным операциям, напротив, они предназначены сделать реальным к наступлению даже численно более слабые силы, давая возможность войсковым соединениям, пользующимся крепостями, наносить внезапные удары в самых различных направлениях и прикрывая их фланги и тыл».

Принципы оперативной доктрины Шлиффена в отношении начального периода войны нашли отражение в его последнем официальном меморандуме, который он начал составлять в конце декабря 1905 года, а полностью завершил над ним работу в феврале 1906 года, уже находясь в отставке. Этот меморандум, известный, как «План Шлиффена», и был передан новому начальнику Большого Генерального штаба Германии генералу Мольтке-младшему.

Шлиффен придавал исключительное значение изучению боевого опыта и уроков военной истории. Он писал: «В эпоху массовых армий и длительных периодов мира нельзя ограничиваться посещением учебных плацов и маневренных полей. Нам приходится теперь уходить в прошлое и искать опыта, в котором нам отказывает современность, в тех событиях, которые происходили недавно или очень давно».

Таким образом, теоретические взгляды Шлиффена на войну, безусловно, были передовыми для своего времени. Их ценность состояла в том, что был четко выделен начальный период войны, сформулированы цели и предъявлены требования к операциям начального периода войны, определены наиболее эффективные способы разгрома противника в этих операциях.

В то же время взгляды Шлиффена были не лишены и определенных недостатков.

Первый из них заключался в том, что Шлиффен допускал ведение войны Германией одновременно на два фронта, на Западе и на Востоке.

Для проведения стратегической наступательной операции Шлиффен предлагал создавать ударную и сковывающую группы войск. При этом он рекомендовал три подвижных (кавалерийских) дивизии иметь в составе первого эшелона последней, что, безусловно, затрудняло их использование для немедленного развития успеха в глубине.

В своих планах операций Шлиффен совершенно не рассматривал вопросы материально-технического снабжения наступающих войск при том, что эти операции должны были вестись на большую глубину и в высоких темпах.

Россия также всегда готовилась к ведению войны на Западном театре. Разработка первых планов традиционно приписывалась военным министрам и начальникам Главного штаба. Первый такой план начали разрабатывать с 1873 года, сперва под руководством военного министра Милютин. Однако первый стратегический план войны был составлен Обручевым в 1880 году и подвергся некоторым изменениям в 1883 и 1887 годах. Но основная его идея сводилась к тому, что русская армия, используя выгодное географическое положение вдававшегося в глубь вражеских земель Царства Польского (Передовой театр) и опираясь на продуманную систему крепостей, должна будет нанести мощный удар по сообщениям противника. По этому плану удар по германцам наносился из Бугонаревского района в тыл Восточной Пруссии, а по австрийцам – вдоль берегов Вислы в тыл Восточной Галиции. При этом главный удар наносился против Австро-Венгрии. Особенно четко была выражена идея удара по австрийцам в плане 1887 года.

В последующие годы главный удар постепенно начал перемещаться на российско-германский фронт. Так, по планам 1890 и 1892 года, несмотря на то, что удар против австрийцев оставался главным, сила удара против немцев начала возрастать.

В 1900 году военный министр генерал Куропаткин составил новый план (18 расписание), согласно которому еще больше нарастил силы против Германии. Но при этом основная идея плана осталась прежней – главный удар должен был наноситься по австрийцам.

Противником этого плана выступил генерал М. И. Драгомиров, который считал, что главный удар необходимо наносить по Германии, как по наиболее опасному врагу. При этом он предлагал его нанести из Польши по кратчайшему направлению прямо на Берлин. Но решительность Драгомирова испугала робкую и половинчатую натуру генерала Куропаткина, и стратегический план войны был оставлен без существенных изменений.

В 1902 году было санкционировано деление вооруженной силы на «фронты», названные сперва – по противникам – Германским и Австрийским, затем – географически – Северо-Западным и Юго-Западным. Во главе первого был поставлен великий князь Николай Николаевич при начальнике штаба генерале Палицыне, во главе второго – генерал Куропаткин с начальником штаба генералом Сухомлиновым. При этом великий князь был сторонником оттягивания стратегического развертывания назад, в глубь Белоруссии, но осенью 1903 года Куропаткину все же удалось уговорить Николая II оставить в силе «милютинские соображения» и развертывание войск в Польше.

В начале XX века разработка планов войны возлагалась на Генеральный штаб, который являлся высшим органом управления сухопутными войсками Российской империи. В своем развитии он прошел достаточно сложный путь, и в 1905 году под названием «Главное управление Генерального штаба» (ГУГШ) был выделен, по примеру Германии, в самостоятельный орган во главе с независимым от военного министра начальником (с правом, как и военный министр, личного доклада императору). Начальником Генерального штаба с 1905 по 1908 год был генерал Ф. Ф. Палицын. За Военным министерством было оставлено в основном решение административно-хозяйственных вопросов, включая использование кредитов. Все же остальные стали прерогативой Генерального штаба.

Рабочим органом начальника Генштаба являлось управление генерал-квартирмейстера, которое и занималось вопросами разработки планов войны.

Тогда же из Главного штаба в Генеральный штаб были переданы управления 2 генерал-квартирмейстера (без Мобилизационного отдела), Военных сообщений и Военно-топографическое.

В 1908 году Генштаб (ГУГШ), возглавляемый генералом В. А. Сухомлиновым, был возвращен в состав Военного министерства, а начальник Генерального штаба был подчинен военному министру.

В том году генералом М. В. Алексеевым была разработана записка об инженерной подготовке театра военных действий в войне. В ней он указал, что Польша в этом отношении является «самым слабым местом» и не годится для мобилизационного развертывания войск.

Тогда же появился еще один стратегический план полковника Ю. Н. Данилова – тогда 1 квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, – легший затем в основу всех последовавших наших планов. Он считал, что Германия, направив все свои армии на Россию, выберет для этого район к северу от Полесья, куда и будут переброшены войска австрийцев. Поэтому управление Юго-Западного фронта упразднялось, и почти все дивизии предлагалось сосредоточить в районе Свеняны – Барановичи. При этом за 1-й и 2-й армиями стояли 4-я и 5-я, а вся Польша отдавалась врагу без выстрела. Никакой задачи армиям не ставилось, никакого маневра не указывалось. Им предписывалось «действовать по обстоятельствам», то есть их отдавали в подчинение неприятельскому главнокомандующему...

В 1909 году, в связи с назначением Сухомлинова военным министром, Генеральный штаб возглавил генерал А. З. Мышлаевский. В короткий шестимесячный период нахождения в этой должности им были разработаны «предложения о преобразовании центрального военного управления в видах устранения важнейших недостатков существовавшей организации Военного министерства», доложенные императору в ноябре 1909 года и получившие его принципиальное одобрение. Однако реализовывать эти предложения генералу не пришлось, так как вследствие интриг в Военном министерстве он был переведен в штаб наместника на Кавказе.

В конце 1909 года начальником Генерального штаба назначается генерал Е. А. Гернгросс. В период его руководства Генеральным штабом в нем проводились реформы, начатые в рамках принятой в августе 1908 года программы военных преобразований, направленных на повышение боеготовности армии. В соответствии с новым положением, объявленным 1 (14) октября 1910 года приказом по военному ведомству № 496, Главное управление Генерального штаба, вновь вошедшее к этому времени в состав Главного штаба, перешло на новую организационно-штатную структуру. При начальнике Генерального штаба был создан специальный комитет для обсуждения важнейших вопросов, имевших отношение к боевой готовности армии. В его ведение перешли офицеры Генерального штаба, несшие службу в войсках. Начальнику Генерального штаба были подчинены Николаевская академия Генерального штаба и Военно-топографическое училище. Тогда же из Главного штаба в Генштаб (ГУГШ) была передана Генерал-квартирмейстерская часть по устройству, расквартированию и службе войск.

Под давлением Гернгросса в сентябре 1910 года план Ю. Н. Данилова был принят за основу.

Однако Е. А. Гернгросс, не имея серьезного опыта штабной работы, не пользовался большим авторитетом среди подчиненных и мало влиял на суть проводимых реформ. Работавший в то время в ГУГШ начальником мобилизационного отдела генерал А. С. Лукомский вспоминал: «Гернгросс ... службы Генерального штаба совершенно не знал; с административными вопросами не был знаком... Он был хороший строевой начальник, безукоризненно порядочный и умный человек, но для должности начальника Генерального штаба он был совершенно не подготовлен». Освобожден от должности в феврале 1911 года.

Новым начальником Генерального штаба был назначен генерал Я. Г. Жилинский. Тогда мир уже стоял на пороге Первой мировой войны. США, Германия и Япония, позже других государств Европы вступившие в стадию империализма, стали быстро теснить с мировых рынков Англию и Францию. Стремительно шло вперед экономическое и индустриальное развитие России. Это привело к резкому обострению международной обстановки и конфронтации двух мощных военно-политических блоков – Тройственного союза, куда вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, и Антанты в составе Англии, Франции и России. Шла лихорадочная подготовка к войне.

Напряженно работал в это время Генеральный штаб вооруженных сил России. Одним из направлений его деятельности стало согласование планов войны России и Франции против Германии и Австро-Венгрии. Но план, предложенный Ю. Н. Даниловым, в штабах округов вызвал единодушные протесты, а на совещании начальников штабов военных округов, которое проходило в феврале 1912 года, он был вообще признан невозможным. Особенно против него возражал генерал Алексеев, в то время начальник штаба Киевского военного округа, который считал, что к тому времени русская армия достаточно усилилась для того, чтобы действовать наступательно. По его мнению, против Германии следовало иметь не более шести корпусов, а все остальные силы двинуть на Австро-Венгрию.

Главному управлению Генерального штаба пришлось уступить. Выработка новых основ плана развертывания была поручена комиссии генерал-квартирмейстеров окружных штабов во главе с генералом Постовским.

Комиссия генерала Постовского пришла к необходимости нанести главный удар по Австро-Венгрии, притом что признавалось необходимым восстановить управление обоих фронтов и иметь на всякий случай вариант для парирования германского наступления.

По плану, принятому в мае 1912 года (видоизмененное 19 расписание), Северо-Западному фронту ставилась задача нанести поражение германским войскам и овладеть Восточной Пруссией. Перед Юго-Западным фронтом ставилась задача нанести поражение австро-венгерским войскам, воспрепятствовать отходу войск за Днестр и на Краков.

В августе 1913 года в Красном Селе, что под Петербургом, состоялось девятое с 1892 года совещание начальников генеральных штабов союзных государств Франции и России. Третий раз в его работе участвовали генерал Ж. Жоффр от Франции и генерал Я. Г. Жилинский от России. На этом совещании вопрос о взаимодействии союзников был центральным. Было подтверждено мнение глав союзных штабов, что Германия первоначально направит большую часть сил против Франции, оставив лишь незначительную часть против России. Генерал Жоффр заявил, что Франция введет в сражение на своей границе почти все свои силы, общее число которых составит полтора миллиона человек, что будет на двести тысяч человек больше, чем предусматривалось текстом конвенции 1912 года. Сосредоточение на границе планировалось закончить на десятый день, наступательные действия начать утром одиннадцатого дня. Генерал Жилинский со своей стороны отметил, что Россия введет в действие против Германии группировку численностью около восьмисот тысяч человек. Сосредоточение действующих войск предполагалось закончить по просьбе союзников на пятнадцатый день мобилизации несмотря на то, что, по расчетам военных специалистов России, это можно было сделать не ранее чем на восемнадцатый день.

Во время встречи было принято соглашение о наиболее выгодном направлении удара русских войск против Германии. Наступление представлялось начать в полосе от Нарева на Алленштейн (в случае сосредоточения немцев в Восточной Пруссии) или прямо на Берлин (если бы немецкое командование сосредоточило свои главные силы в районе Торн, Познань). Принятое обязательство стесняло стратегическую свободу российского высшего военного командования в распределении своих сил. Некоторые государственные деятели, в частности начальник Главного штаба и председатель Военно-учебного комитета генерал от инфантерии Н. Н. Обручев, увидев эту ошибку при подписании конвенции в 1892 году, обращаясь к военному министру и императору, писал: «Мы должны сохранить за собою свободу распределять так свои войска, чтобы нанести решительный удар армиям Тройственного союза. Может быть, для достижения сей цели нам прежде всего придется направить главные силы против Германии, как опаснейшего и сильнейшего противника, но, может быть, представится еще более выгодным сокрушить как можно скорее Австрию, чтобы затем легче справиться с изолированной Германией. Нам надо сохранить за собою безусловную свободу действий и потому в вопросе о совместных с Францией операциях, кажется, наилучшим будет ограничиться лишь общим обязательством в случае нападения одной из держав Тройственного союза на Францию, тотчас же мобилизовать свою армию и начать военные действия против ближайших нам держав сего союза – Германии и Австрии, требуя с французской стороны соответственного обязательства». Эта точка зрения, известная Якову Григорьевичу и представляющаяся ему целесообразной, под воздействием генерала Жоффра была отвергнута.

На встрече последовало изложение общих основ сосредоточения и группировки французских и русских армий против Германии. Представители держав согласились относительно необходимости направить удар в сердце неприятельской страны. Было признано разумным сосредоточить силы таким образом, чтобы быть в состоянии действовать либо против сил противника в Восточной Пруссии, либо идти на Берлин по операционной линии к югу от этой провинции. Не отрицая необходимости для России держать многочисленные силы против Австрии и Швеции, генерал Жоффр считал, что поражение Германии значительно облегчит операции русских армий против других держав Тройственного союза. Он полагал необходимым добиться уничтожения с самого начала вооруженных сил Германии. С этой целью возникла задача ускорить мобилизацию и сосредоточение союзных армий. На русском фронте это было связано с проблемой железных дорог. Из объяснений Якова Григорьевича выяснилось, что некоторые из работ, намеченных на совещании начальников штабов в прошедшем году, уже выполнены. Участок Жабинка – Брест учетверен. Удвоены колеи участков Брянск – Гомель, Лунинец – Жабинка, Орел – Варшава. Предполагается постройка новой двухколейной линии Рязань –

Тула – Варшава. На совещании было намечено проведение второй колеи на участках Батрики – Пенза – Смоленск, Ровно – Барановичи и Лозовая – Полтава – Киев – Сарны. Было признано желательным перевести на европейскую колею железные дороги на левом берегу Вислы, а также увеличить количество мостов через эту реку в Варшавском районе.

На совещании обсуждался вопрос о ведении военных действий. Было признано совершенно необходимым для союзных армий добиться как можно скорее решительного успеха. Не без оснований считалось, что неудача французских армий в начале войны позволит Германии перенести на свою восточную границу часть сил, которые продолжали бы сражаться против Франции. Если же французские армии одержат верх над силами, выставленными против нее Германией, то этот успех облегчит операции русских армий, так как Германия не будет в состоянии перевести свои войска с Западного фронта на Восточный. Высказывалось мнение поэтому, чтобы французские армии обладали значительным численным превосходством над германскими силами на западе. Это условие считалось выполненным, если Германия будет вынуждена охранять свою восточную границу значительными силами. Исходя из этих соображений, генерал Жоффр полагал, что было бы выгодно для обеих армий, если бы группировка русских сил в Варшавском округе уже в мирное время представляла для Германии прямую угрозу. В этой связи последовало заявление генерала Жилинского, что новый проект организации русской армии предвидит формирование армейского корпуса в Варшавском районе.

В конце совещания было определено, что связь между штабами будет осуществляться по уже отлаженному каналу через Англию, с которой имеется соглашение по данному вопросу.

Совещание союзников, таким образом, прошло под давлением начальника главного штаба Франции генерала Жоффра. Он смог подчинить решение ключевых вопросов интересам своего государства, что нельзя сказать о генерале Жилинском, которого многие в высших правительственных и военных кругах напрямую обвиняли в «близорукости». Поэтому, когда в начале 1914 года умер варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант генерал от кавалерии Г. А. Скалон, Яков Григорьевич тут же был назначен на освободившуюся должность.

Последним начальником Генерального штаба Российской императорской армии мирного времени стал генерал-лейтенант Н. Н. Янушкевич, который уже практически ничего не успел сделать в области подготовки армии к предстоящей войне. Генерал-квартирмейстером в это время был уже известный нам генерал-лейтенант Ю. Н. Данилов (Черный), которому подчинялись 1-й и 2-й обер-квартирмейстеры, соответственно, генерал-майоры Н. А. Обручев и П. И. Аверьянов. В распоряжении первого имелось 9, а у второго – 5 полковников Генерального штаба.

Для ведения разведки вероятного противника в распоряжении Отдела генерал-квартирмейстера имелись военные агенты, располагавшие собственной агентурой. В частности, в Германии эту должность исполнял полковник С. Потоцкий, который прибыл в Берлин 15 июля, практически перед самой войной, и, естественно, ничего не успел сделать. В Австро-Венгрии военным агентом был полковник О. Энкель, который также был назначен на эту должность только в самом конце января 1914 года. В Турции военным агентом состоял генерал-майор М. Леонтьев.

Территориальными органами агентурной разведки являлись разведывательные отделения штабов приграничных Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского и Кавказского военных округов. При этом считалось, что основную информацию в случае войны они будут получать из штабов армий и корпусов, которую затем будут передавать выше, в штаб фронта, а штаб фронта в Ставку.

Таким образом, Генеральный штаб (Ставка) оставлял за собой только руководство военными агентами, штабы фронтов в случае войны выступали в качестве передающего звена, а основная тяжесть разведывательной работы ложилась на штабы армий и корпусов. До начала

же войны при разработке стратегических планов Генеральному штабу приходилось довольствоваться только той скудной информацией о вероятном противнике, которая поступала от военных агентов. При этом нужно признать, что военные агенты, работавшие в Германии и Австро-Венгрии, не обладали необходимыми качествами и временем для организации полноценной разведывательной работы.

Глава вторая Ставка

Высший орган военного управления

Накануне объявления мобилизации возникло множество первоочередных проблем, требующих немедленного разрешения. Одна из них – создание высшего органа управления действующей армией и флотом – Ставки во главе с Верховным главнокомандующим. Опыта создания такого органа и учреждения такой должности у России до того времени не было, хотя в некоторых Положениях данный вопрос теоретически прорабатывался.

В Петербурге понимали, что должность Верховного главнокомандующего не столько военная, сколько политическая. Поэтому для ее занятия сразу же наметился ряд кандидатур, в числе которых были царь Николай II, военный министр В. А. Сухомлинов и великий князь Николай Николаевич (младший).

Современники утверждают, что в 1914 году император Николай II был намерен лично возглавить действующую армию, но тогда его удалось отговорить от этого шага. Военный министр, по мнению большинства членов правительства, не обладал ни военным талантом, ни волей, ни авторитетом в войсках – качествами, необходимыми для военачальника столь высокого ранга, да и репутация В. А. Сухомлинова в высшем обществе была далеко не безупречна.

Для принятия окончательного решения о высшей военной власти Николай II 19 июля собрал в Петергофе у себя на «ферме» Совет министров. «Только один военный министр генерал Сухомлинов, – вспоминал генерал Ю. Н. Данилов, – высказал банальные слова, что армия будет счастлива иметь во главе своего Верховного вождя. Все остальные лица из числа присутствующих были против выраженного государем намерения. Председатель же Совета министров И. Л. Горемыкин своим старческим, от волнения еще более дрожащим голосом убеждал государя в опасности оставления им столицы в столь трудный период жизни государства».

Необходим был компромисс, который бы оградил страну от опасных политических и дворцовых интриг. И он был найден. На следующий день состоялся высочайший указ: «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейше повелевать нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть Верховным главнокомандующим. Николай».

Высшими органами управления оперативно-стратегического звена сухопутных войск во время Первой мировой войны были штабы Верховного главнокомандующего, командующих фронтами и армиями. История и практический опыт формирования и работы армейских штабов существовали. Импровизированный штаб фронтового объединения был создан на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны 1904–1905 годов, но непосредственным планированием операций и их руководством он не занимался. Опыта развертывания штаба Верховного главнокомандующего как органа управления стратегическими операциями нескольких фронтов не существовало.

13 (26) июля 1914 года начальник канцелярии Военного министерства генерал-майор А. С. Лукомский разослал телеграммы всем командующим войсками военных округов Европейской части Российской империи, за исключением Кавказа, следующего содержания: «Высочайше повелено 13 сего июля считать началом подготовительного к войне периода на всей

территории Европейской России... Положение было препровождено 22 марта 1913 года». По сути этот документ стал стартовым для создания пунктов оперативно-стратегического звена управления Сухопутными войсками Российской империи, предназначенных для военных действий против Германии и Австро-Венгрии.

По Положению о полевом управлении войск в военное время, вышедшему в свет в июле 1914 года, штаб Верховного главнокомандующего состоял из начальника штаба и четырех управлений: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений и военно-морского.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего, являясь ближайшим сотрудником Верховного главнокомандующего, был обязан представлять ему «соображения о направлении военных действий и в мерах по их обеспечению», в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего разрабатывать и передавать подчиненным войсковым начальникам «распоряжения относительно ведения военных операций», информировать их об обстановке и происходящих изменениях. В период с июля 1914 года по март 1917 года должность начальника штаба Верховного главнокомандующего занимали 3 человека: генералы Н. Н. Янушкевич (19.07.1914 – 18.08.1915), М. В. Алексеев (18.09. 1915 – 10.11.1916), В. И. Гурко (10.11.1916 – 17.02.1917). В состав штаба, кроме начальника штаба, входили чиновник для ведения дипломатической переписки и 4 управления: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, управление начальника военных сообщений и военно-морское управление.

Наиболее рабочим органом штаба Верховного главнокомандующего было управление генерал-квартирмейстера. На него возлагались задачи сбора и обработки сведений о противнике и районе военных действий; данных о расположении и боевой готовности подчиненных войск; разработки боевых документов, доведение их до войск, контроль выполнения приказов старшего начальника и многие другие. В управлении генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем в начале войны, кроме начальника, состояли четыре должности: генерал-майор для поручений, два обер-офицера корпуса военных топографов, обер-офицера для поручений и фотограф. Кроме того, имелось необходимое количество переводчиков.

Такое управление едва ли могло участвовать в отработке некоторых оперативных документов и выполнении мероприятий по их доведению до войск и контролю за выполнением. Поэтому в ходе войны численность его состава постоянно увеличивалась за счет прикомандированных. Так, к лету 1915 года в нем трудились уже 17 генералов и офицеров, к весне 1916 года – 25.

В состав управления дежурного генерала входили: управление коменданта главной квартиры и типография. Управление начальника военных сообщений ведало перевозками. Военно-морское управление занималось управлением действиями Военно-морского флота, расположенного на театре войны. Вопросами оперативно-стратегического управления действиями Сухопутных войск эти управления не занимались.

Таким образом, штаб Верховного главнокомандующего являлся основным инструментом, посредством которого Ставка по различным направлениям должна была управлять войсками не только при подготовке и в ходе крупных операций, но и в их повседневной жизни. Это накладывало особую ответственность на всех работников этого важнейшего органа военного управления, и, прежде всего, на его руководителя, первым из которых стал великий князь Николай Николаевич (младший).

Великий князь Николай Николаевич (младший)

Первым в истории России накануне Первой мировой войны Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. 20 июля 1914 года в Зимнем дворце,

в громадном Георгиевском зале, где был помещен Российский престол и куда перенесли чудотворную икону Казанской Божьей Матери, Николай II обнародовал в связи с вступлением России в войну манифест. Тогда же был провозглашен Высочайший указ следующего содержания: «Не признавая возможным, по причинам общегосударственного характера, стать теперь же во главе наших сухопутных и морских сил, предназначенных для военных действий, признали мы за благо всемилостивейше повелевать нашему генерал-адъютанту, командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа, генералу от кавалерии его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу быть Верховным главнокомандующим. Николай».

Первый русский Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, в отличие от своего отца и тезки в придворных кругах прозванный «младшим», был достаточно яркой фигурой на фоне многочисленного российского генералитета начала XX века. Он являлся предводителем движения за войну против Германии, принадлежал к масонской ложе мартинистов сначала профранцузского, а затем пронемецкого толка. Родился 6 ноября 1856 года в Петербурге в семье третьего сына императора Николая I Николая Николаевича (старшего). Его матерью была германская принцесса Александра Петровна Ольденбургская. Детские годы великого князя прошли в родительском доме, где он получил хорошее первоначальное образование. Однако с самого рождения ему, как и его отцу, была уготована участь служить Марсу.

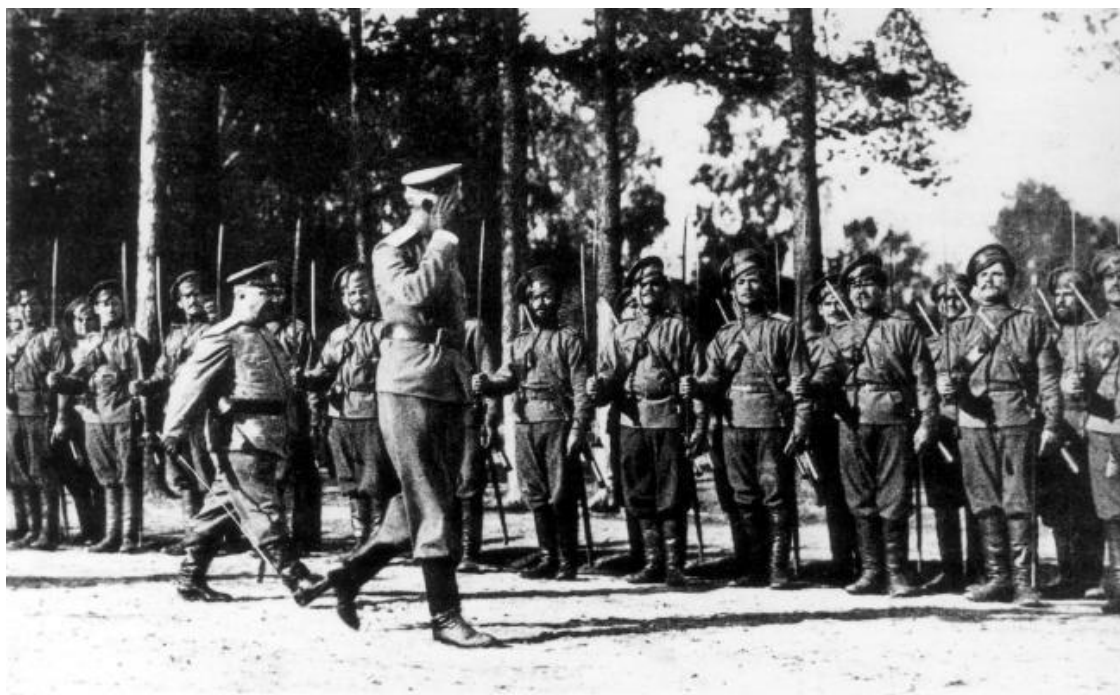
**ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩІЙ.**

В пятнадцатилетнем возрасте Николай Николаевич был зачислен юнкером в Николаевское инженерное училище, из которого в следующем году был выпущен прапорщиком в учебный пехотный батальон, дислоцировавшийся в столице. Закрепив на практике навыки в командовании подразделением, через год великий князь был произведен в подпоручики и переведен в учебный кавалерийский эскадрон для изучения тактики этого рода войск. Не довольствуясь знаниями, полученными в училище, Николай Николаевич поступил на учебу в Николаевскую академию Генерального штаба – ведущее военно-учебное заведение страны. В эти годы ака-

демия, возглавляемая генерал-лейтенантом А. Н. Леонтьевым и находившаяся под пристальным вниманием и заботой военного министра А. Д. Милютина, была на подъеме. В результате глубокой многоплановой реформы, начавшейся в России в 1862 году, Милютину и его помощникам удалось устранить многие недостатки, приведшие к поражению русской армии в Крымской войне 1853–1856 годов. Положительные перемены произошли в системе подготовки командных кадров в стенах академии, которая была поднята на довольно высокий уровень и базировалась на лучших достижениях военного искусства того времени, а также практически полностью отвечала требованиям войск.

Великий князь проявил в учебе немалое усердие. В 1876 году он окончил академию с серебряной медалью, его имя было занесено на мраморную доску. До этого, за 44 года существования этого высшего военно-учебного заведения, всего 2 выпускника были удостоены золотой медали и 54 – серебряной. За отличие в учебе Николай Николаевич был произведен в капитаны, причислен к Генеральному штабу и получил почетное звание флигель-адъютанта, то есть отнесен к свите его императорского величества.

С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов великий князь был определен офицером для особых поручений при отце – главнокомандующем Дунайской армией. На него было возложено ответственное задание по проведению рекогносцировки берегов Дуная в районе Зимницы с целью выбора места для переправы войск. Молодой офицер хорошо справился с задачей, а затем в числе первых переправился через Дунай с дивизией, командовал которой генерал М. И. Драгомиров. Он участвовал в штурме Систовских высот. За храбрость, проявленную в боях, Николай Николаевич был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В последующем великий князь в составе Габровского отряда под руководством генерала Н. Н. Святополка-Мирского участвовал в штурме и захвате Шипкинского перевала, за что был награжден Золотым оружием с надписью «За храбрость» и произведен в полковники. На этом боевая практика будущего Верховного главнокомандующего Вооруженными силами России закончилась.

Смотр войск.

Вернувшись из Балканского похода, Николай Николаевич для прохождения службы был назначен в лейб-гвардии гусарский полк. В нем он прослужил в течение 12 лет, последовательно занимая должности от командира эскадрона до командира полка. Последняя должность дала ему право на чин генерал-майора, которым он и был пожалован в 1885 году в возрасте 29 лет.

Пять лет спустя великий князь получил в командование гвардейскую кавалерийскую дивизию, а еще через некоторое время произведен в генерал-лейтенанты. Большие перемены произошли и в его личной жизни. Он лишился горячо любимого отца и вступил в брак с младшей дочерью черногорского князя Николая принцессой Негожа-Станой. По-русски она стала именоваться Анастасией Николаевной. Брак этот в определенной мере отражал постоянно возрасставший интерес России к Балканам, которая через Черногорию и ее правителя пыталась усилить свое влияние в регионе. Поскольку существовала достаточно продолжительная дружба между домами черногорского князя и Николая Николаевича (старшего), брак был совершен, если не по горячей любви, то по большой симпатии между женихом и невестой. В дальнейшем она переросла в более глубокие чувства, позволив жене существенно влиять на многие решения мужа. Кстати, именно Анастасия, будучи яркой приверженкой спиритизма и мистицизма, представила в свое время царице Григория Распутина, вскоре ставшего «близким другом» всей императорской семьи.

В 1895 году Николай Николаевич был назначен генерал-инспектором кавалерии – многочисленного и почитаемого рода войск. Назначение не являлось следствием особых заслуг или высокого профессионального роста великого князя. Должность, по сути дела, перешла ему в наследство от отца, занимавшего ее в течение многих лет. Она принесла великому князю чин генерала от кавалерии, дала возможность совершать многочисленные зарубежные поездки в качестве главы военных миссий, позволила решать вопросы в Высшем военном совете.

На практике своими полномочиями Николай Николаевич пользовался весьма своеобразно. Он не пожелал участвовать в Русско-японской войне лишь потому, что не ладил с адмиралом Е. И. Алексеевым, поставленным царем наместником России на Дальнем Востоке. В 1910 году он отказался руководить впервые подготовленной русским Генеральным штабом стратегической военной игрой, которая фактически была сорвана. Официальной причиной отказа послужили разногласия между великим князем и военным министром на цели и замысел военной игры. На самом же деле на это время Николаем Николаевичем была спланирована большая охота в Скерневицком лесу, отменять которую ему очень не хотелось.

В 1914 году великому князю Николаю Николаевичу исполнилось 58 лет. Он находился в расцвете сил и здоровья. Что же касается полководческих способностей Николая Николаевича, то, по оценке генерала Ю. Н. Данилова, он был «... вполне подготовленным крупным военачальником». Однако «решительность, которая была заложена в характере великого князя, требовала спокойной, регулирующей руки, дабы не дать этой черте перейти границы, отдалявшие настойчивую волю от безрассудной горячности и вредной порывистости. Он легко поддавался влиянию близких к нему лиц. Это было его достоинством и недостатком в зависимости от того, кто овладевал его доверием. Но во всех случаях он умел выслушивать людей, причем высоко ценил доходившее до него откровение и рассудительное слово».

Верховный главнокомандующий у своего штабного вагона.

Ставка развернулась в Барановичах. При Верховном главнокомандующем состоял штаб, который включал ряд управлений. Важнейшими из них были: генерал-квартирмейстера (ведало разработкой оперативных вопросов), дежурного генерала (занималось организационными вопросами, в том числе укомплектования войск и кадрами), начальника военных сообщений, военно-морское, коменданта главной квартиры. В них летом 1914 года насчитывалось 9 генералов, 36 офицеров, 12 чиновников, около 150 солдат. В последующие годы состав Ставки возрос до 2 тысяч человек.

Фотография в память посещения императором Ставки Верховного главнокомандующего. Осень 1914 г.

Для ведения войны на сухопутном театре военных действий верховным командованием Вооруженных сил России были созданы Северо-Западный, Юго-Западный, а несколько позже развернута отдельная Кавказская армия.

Северо-Западный фронт (командующий – генерал от кавалерии Яков Григорьевич Жилинский) включал две армии. Он был предназначен для действий против германских войск, главным образом, на территории Восточной Пруссии. Юго-Западный фронт во главе с генералом от артиллерии Николаем Иудовичем Ивановым состоял из четырех армий и нацеливался против австро-венгерских вооруженных сил. Кавказская армия была создана с вступлением в войну Турции (командующий на правах наместника генерал от кавалерии граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков). Хотя командующие фронтами были военачальниками с большим стажем, однако не имели опыта управления крупными объединениями во время войны. Они и составляли высшее командование вооруженными силами, во главе которых Николаю Николаевичу предстояло решать невиданные доселе по объему и сложности задачи вооруженной борьбы.

Ставка развернулась в Барановичах. При Верховном главнокомандующем состоял штаб, который включал ряд управлений. Важнейшими из них были: генерал-квартирмейстера (ведало разработкой оперативных вопросов), дежурного генерала (занималось организационными вопросами, в том числе укомплектования войск и кадрами), начальника военных сообщений, военно-морское, коменданта главной квартиры. В штате Ставки летом 1914 года насчитывалось 9 генералов, 36 офицеров, 12 чиновников, около 150 солдат.

По стратегическому плану в случае войны Россия должна была вначале нанести удар по Австро-Венгрии, уничтожить армии этого государства в Галиции и овладеть Веной и Будапештом. Кроме того, с задержкой после начала войны всего на 15 дней русские войска должны были начать наступление против германских войск. Поскольку отношения России с Турцией также были напряженными и было известно о германской ориентации правительства этой страны, то русский Генеральный штаб на случай войны с Турцией имел также план развертывания войск Кавказского военного округа. Кавказской армии ставилась задача прикрыть, насколько возможно, свою границу, а в случае невозможности удержаться ввиду значительного превосходства противника – постепенно отходить на линию Главного Кавказского хребта.

В рамках стратегического плана войны имелись наметки некоторых оперативных планов действий фронтов и армий. Но они носили слишком общий характер и нуждались в основательном уточнении.

Верховный главнокомандующий не участвовал в разработке планов действий войск на случай войны, мало считался с довоенными наработками Генерального штаба и имел свое мнение. Оно сводилось к стремлению нанести решающий удар на Берлин по кратчайшему пути из Польши, а также фланговые удары по группировке немецких войск в Восточной Пруссии и группировке австро-венгерских войск в Галиции. Данный план имел много недостатков, но важнейшим из них было распыление русских войск по трем направлениям. На практике это неизбежно вело к распылению сил и средств и развалу общего плана стратегических действий на несколько фронтовых, а то и армейских операций.

Николай Николаевич, генералы Н. Н. Янушкевич и Ю. Н. Данилов у здания походной церкви. Март, 1915 г.

О поведении Верховного главнокомандующего и обстановке, царившей вокруг него в первые дни войны, оставил воспоминания французский посол при русском дворе М. Палеолог, который посетил Николая Николаевича 20 июля 1914 года. На вопрос посла: «Через сколько дней, ваше высочество, вы перейдете в наступление?» – Верховный главнокомандующий ответил: «Я прикажу наступать, как только эта операция станет выполнимой, и я буду атаковать основательно. Может быть, я даже не буду ждать того, чтобы было окончено сосредоточение моих войск. Как только я почувствую себя достаточно сильным, я начну нападение. Это случится, вероятно, 14 августа».

Для французского посла и правительства его страны главным было как можно скорее вынудить Россию начать активные военные действия против Германии. Поэтому любой план действий в этом направлении устраивал Палеолога. Но Верховный главнокомандующий, давая такие обещания, должен был многократно просчитать их последствия. Последующие события свидетельствуют, что до таких «мелочей» великий князь не опускался.

Вопреки предвоенным планам, кампания 1914 года на русском фронте по приказу Верховного главнокомандующего открылась Восточно-Прусской операцией, чем великий князь пытался «поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара немцев». Войскам Северо-Западного фронта директивой Ставки ставилась задача охватом с обоих флангов нанести поражение германским войскам, овладеть Восточной Пруссией и создать выгодное положение для дальнейшего наступления в пределы Германии.

Восточно-Прусская операция началась 4 августа. Но, воспользовавшись оперативной паузой, германское командование осуществило перегруппировку войск и в период с 13 по 17 августа нанесло удар по 2-й русской армии. Ее соединения были отброшены на восток, а два корпуса и одна дивизия окружены в районе Грюнфлисского (Кальтенборнского) леса. Затем,

покончив со 2-й армией, основные силы германских войск обрушились на 1-ю армию, вынудив ее начать отход, в ходе которого русские войска понесли большие потери. К началу сентября Восточно-Прусская операция завершилась полным поражением армий Северо-Западного фронта. Не достигнув поставленных целей, они были отброшены на свою территорию, потеряв менее чем за месяц около 250 тысяч человек.

Его Императорское Высочество Верховный Главнокомандующий среди офицеров одного из казачьих полков. Справа от Великого Князя полковник Звегинцев. Видны значки Великого Князя Николая Николаевича: один — подарок генерала Жоффра, другой — сопровождавший в кампанию 1877—78 гг. Главнокомандующего Дунайской армией Е. И. В. Великого Князя Николая Николаевича Старшего.

Николай Николаевич с офицерами одного из казачьих полков.

События на Северо-Западном фронте показали неподготовленность Верховного главнокомандующего к военным действиям в стратегическом масштабе, в том числе и с точки зрения стиля руководства подчиненными. Характерно, например, что лишь после пленения корпусов 2-й армии Николай Николаевич 2 сентября впервые с начала войны покинул Ставку в Барановичах и выехал в Белосток для встречи с командующим Северо-Западным фронтом генералом Я. Г. Жилинским. Но, прибыв в штаб фронта, он не нашел ничего другого, как заняться уговорами командующего продержаться еще некоторое время, пока Юго-Западный фронт не завершит разгрома австрийцев.

Когда трагедия войск Северо-Западного фронта стала явью, и Ставке нужно было отчитываться за это перед царем и правительством, Николай Николаевич сделал то, что нужно было сделать намного раньше. Я. Г. Жилинский был отстранен от командования фронтом. Вместо него эту должность занял отличившийся в боях на Юго-Западном фронте генерал Н. В. Рузский.

Объясняя причины неудач войск Северо-Западного фронта, Верховный главнокомандующий телеграфировал царю: «... Я совершенно сознаю, что не умел настоять на исполнении моих требований, посему слагаю перед Вашим величеством мою повинную голову».

Несколько более удачным было августовское наступление войск Юго-Западного фронта, завершивших в начале сентября Галицийскую битву. В ходе этой битвы русские войска нанесли

поражение двум австро-венгерским армиям и, продвинувшись на 200–250 километров, овладели городами Львов и Галич. Потери противника составили около 400 тысяч человек, в том числе более 100 тысяч пленными. Русские войска потеряли почти 230 тысяч солдат и офицеров.

Историки утверждают, что в сознании Верховного главнокомандующего и штаба Ставки преобладало вынесенное из прежних войн мнение, что победа формируется не из выигранных полевых сражений, а из количества захваченных вражеских городов и крепостей. «Это доказывает чисто обывательский взгляд Ставки Верховного главнокомандующего, расценивавшей успехи лишь с точки зрения занятия «пунктов», отмеченных на карте жирным шрифтом», – пишет А. А. Керсновский. Поэтому после взятия Львова русская стратегия требовала очередного географического объекта – «пунктика», обозначенного на карте жирным шрифтом или звездочкой. Таким объектом была выбрана крепость Перемышль.

Перемышль, подобно магниту, притянул к себе внимание Верховного главнокомандующего. По его указанию армии Юго-Западного фронта 6 сентября 1914 г. приступили к ее осаде. Три австрийские дивизии, засев в Перемышле, сковали действия 38 русских дивизий. Это и стало главной причиной свертывания наступления русских войск в Галиции уже на этапе преследования противника.

Неудачи в Восточной Пруссии и победы в Галиции поставили Верховного главнокомандующего перед необходимостью более продуманно отнестись к определению следующей стратегической задачи. Николаю Николаевичу по-прежнему не давала покоя идея вторжения в Верхнюю Силезию. Но выполнение этой задачи требовало согласованных действий обоих фронтов. Такие большие масштабы предстоящей операции пугали Верховного главнокомандующего. Поэтому прежде, чем принимать решение, он решил узнать мнение командующих фронтами. Но Иванов и Рузский по-разному понимали свои ближайшие задачи. Это затрудняло выработку общего плана действий. На переписку Ставки с фронтами уходило драгоценное время, которым решил воспользоваться противник. В течение 15 суток юго-западнее Варшавы было сосредоточено 9 армейских корпусов.

Николай Николаевич с офицерами штаба Кавказской армии. Рядом генерал Н. Н. Юденич. 1916 г.

Великий князь Николай Николаевич решил не только парировать готовившийся удар противника, но и создать условия для перехода русских войск в контрнаступление. Он приказал перегруппировать в район Средней Вислы главные силы Юго-Западного и часть сил Северо-Западного фронтов.

В директиве, которую получили войска, начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич указывал общие сведения о противнике, рубежи начала наступления армий, направление наступления и кому на что следует обратить особое внимание во время операции. Все остальное отдавалось на откуп командующим фронтами.

Своевременное и точное выполнение этой директивы могло обеспечить поражение противника. Но воли Верховного главнокомандующего в достижении намеченной цели проявлено не было. Командующие фронтами, получив ранее право выражать и отстаивать свое мнение, по-разному отнеслись к этому решению. Генерал Рузский, ссылаясь на недостаток времени для восстановления боеспособности своих армий, постарался убедить Верховного главнокомандующего в нецелесообразности привлечения войск Северо-Западного фронта к участию в операции. Командующий же Юго-Западным фронтом выразил свое полное согласие с планами Ставки, но считал, что для их реализации необходимо предварительно отвести войска на восточный берег рек Сан и Вислы.

В этих условиях особенно возрастала роль Верховного главнокомандующего, в руках которого была сосредоточена большая власть. В конце сентября он прибыл в Холм, где уточнил задачи командующему Юго-Западным фронтом. Затем великий князь директивой приказал командующему Северо-Западным фронтом спешно сосредоточить в районе Варшавы 2-ю армию, к командованию которой после гибели А. В. Самсонова приступил генерал от кавалерии С. М. Шейдеман.

Верховный главнокомандующий, хорошо помня основные причины разгрома армий Северо-Западного фронта в Восточно-Прусской операции, предпринял меры, необходимые для организации надежного управления огромной массой войск, сосредоточенных на Средней Висле. Он решил объединить руководство войсками в руках казавшегося ему более опытным генерала Иванова. Согласно директиве Ставки, с 19 сентября в его подчинение переходили на время предстоящей операции 2-я армия, а также Варшавский отряд с крепостью Новогеоргиевск. Благодаря этому на участке фронта от Варшавы до Ивангорода под единым командованием были сосредоточены три армии и несколько отдельных корпусов. В период с 15 (28) сентября по 26 октября (8 ноября) 1914 года этим войскам пришлось участвовать в Варшаво-Ивангородской операции, по сути ставшей первой стратегической наступательной операцией, которую готовила Ставка Верховного главнокомандующего.

Николай Николаевич. Конный портрет.

Но ходом этой операции Ставка руководила весьма поверхностно. Она фактически распалась на отдельные армейские операции, бои корпусов и дивизий. Постепенно, кроме 2-й армии генерала Шейдемана, в районе Ивангорода подключились корпуса 4-й армии генерала Эверта, а затем – войска недавно сформированной и находившейся южнее 9-й армии генерала П. А. Лечицкого. Но возраставшие размах и напряженность встречного сражения испугали командующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова. Чтобы снять с себя ответственность за его исход, он 28 сентября телеграфировал в Ставку: «Создавшееся положение побуждает меня просить личного доклада Верховному главнокомандующему, если его императорское величество соизволит приехать в Холм».

Почувствовав неуверенность Иванова, Николай Николаевич вместе с начальником штаба немедленно прибыл в Холм. Встретивший его Иванов сразу же начал жаловаться на команду-

ющего 2-й армией генерала Шейдемана, который якобы плохо руководит находившимися в районе Варшавы войсками.

Верховный главнокомандующий, ознакомившись с обстановкой на месте и заслушав доклады начальника штаба Юго-Западного фронта генерала М. В. Алексеева и вызванного в Холм генерала Шейдемана, пришел к другим выводам. Ему стало ясно, что дело в самом Иванове, который не справляется с управлением огромной массой войск. Великий князь решил управление войсками разделить между обоими командующими фронтами. При этом оборона Варшавы и южных подступов к ней была поручена генералу Рузскому, которому переподчинялись 2-я и 5-я армии.

Затем по приказу Верховного главнокомандующего русские войска перешли в наступление. Наступление началось без оперативной паузы, несколькими фронтами, одновременно: 5 октября 2-я и 5-я армии Северо-Западного фронта, 11 октября 4-я и 9-я армии Юго-Западного фронта.

Наступление русских войск развивалось успешно. Оценивая происходящее, начальник штаба 9-й германской армии генерал Эрх фон Людендорф писал: «Положение критическое».

Дело испортил генерал Иванов, приняв демонстративный марш незначительных сил австро-венгров против 3-й армии за крупномасштабное наступление. Он смог убедить Ставку в необходимости поворота 4-й и 9-й армий на юг, что привело к резкому увеличению полос наступления 2-й и 5-й армий Северо-Западного фронта. Распылив силы, они в начале ноября прекратили преследование противника.

Переправа по понтонному мосту через реку Двина.

Варшавско-Ивангородская операция стала крупнейшей стратегической операцией Первой мировой войны. В ней принимала участие примерно половина всех русских войск, действовавших против Германии и Австро-Венгрии. Победа русского оружия развеяла начавшуюся уже складываться легенду о непобедимости германской армии.

При подготовке и в ходе сражений на Средней Висле великий князь Николай Николаевич уже в большей степени начал проявлять себя как Верховный главнокомандующий. Он участвовал в выработке решения, а затем добился выполнения поставленных задач обоими фронтами. Правда, великий князь не проявил должной твердости и позволил генералу Иванову отвлечь его внимание на второстепенные задачи. В результате ошибок русского командо-

вания в Варшавско-Ивангородской операции германцам, понесшим большие потери, удалось не только избежать разгрома, но и сохранить силы для проведения ответной стратегической операции в районе Лодзи.

После поражения в Варшавско-Ивангородской операции германское командование решило взять реванш и нанести глубокий удар во фланг и тыл русским армиям, действовавшим на левом берегу Вислы. Для этого в короткие сроки в районе Торна была создана группировка войск, в составе которой насчитывалось почти 280 тысяч человек и 1440 орудий.

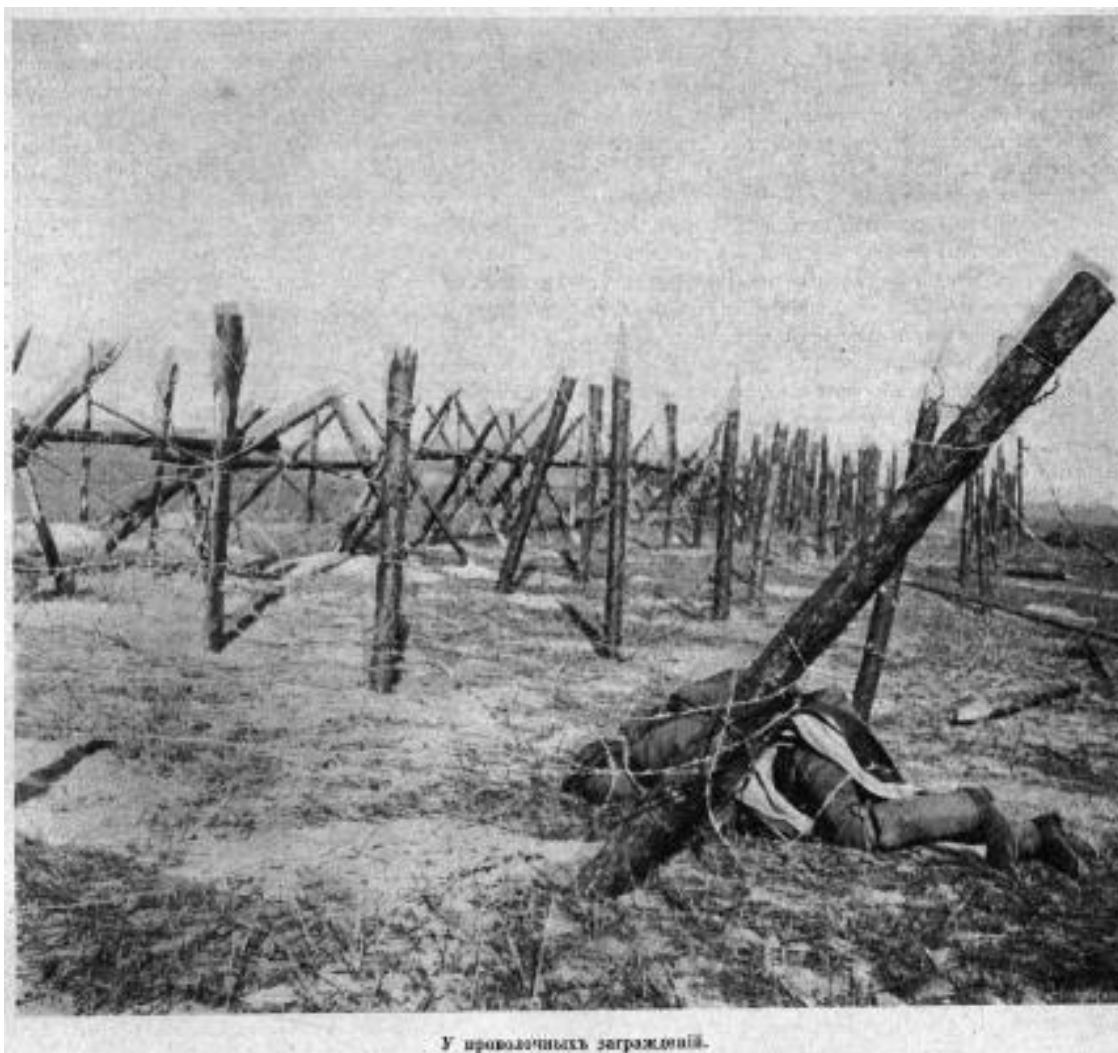
Сведения о перегруппировке вражеских войск были получены Ставкой лишь в конце октября. К этому времени западнее и северо-западнее Варшавы действовали три армии Северо-Западного фронта, в которых насчитывалось 367 тысяч штыков и сабель, 1305 орудий. Такое соотношение сил и средств не внушало русскому командованию особого опасения. Даже более того, Ставка предложила Северо-Западному фронту отбросить немцев за линию Мазурских озер и закрепиться на Нижней Висле. Помощь ему, по мнению Верховного главнокомандующего, должен был оказать Юго-Западный фронт наступлением в Галиции со стороны Карпат. Таким образом, Ставкой планировалась очередная стратегическая операция силами двух фронтов.

Подготовка этой операции, особенно разведка противника, были неудовлетворительными. Ставка не знала об истинном положении и перегруппировке сил германцев и продолжала планировать наступательную операцию в глубь Германии. При этом Ставка задерживалась с отдачей войскам соответствующей директивы. Так, генерал Н. В. Рузский, осуществлявший общее командование частью сил Северо-Западного и Юго-Западного фронтов в этой операции, 27 октября (9 ноября) 1914 г., за трое суток до срока, определенного как готовность наступления, просил начальника штаба Ставки «хотя бы в общих чертах сообщить предположения» предстоящего наступления с тем, чтобы отдать предварительные распоряжения подчиненным.

29 октября, всего на сутки упредив русских, противник нанес два встречных удара. Создалась реальная угроза окружения и последующего уничтожения основных сил Северо-Западного фронта западнее Вислы. Правда, довести до победного конца противнику эту операцию не удалось.

Операция в районе Лодзи завершилась в середине ноября без существенных изменений в линии фронта. Но при том, что потери русских войск составили 110 тысяч человек и 120 орудий, а германцы потеряли 50 тысяч человек и 23 орудия, окончательные итоги операции были на стороне противника.

У проволочных заграждений.

На проволочных заграждениях противника.

Для выработки очередного стратегического плана военных действий 16 ноября 1914 г. Верховный главнокомандующий собрал в Седлеце очередное совещание командующих фронтами. Но вместо постановки конкретных оперативных задач Николай Николаевич больше времени уделил заслушиванию жалоб командующих фронтами. Генералы Рузский и Иванов наперебой жаловались на трудности. Рузский утверждал, что его войска после понесенных потерь неспособны «... с должной устойчивостью занимать нынешний фронт впредь до приведения армий в полную боевую готовность» и настаивал на отводе армий и замене командующих.

Николай Николаевич поддался уговорам командующего Северо-Западным фронтом. Он принял решение начать отвод армий этого фронта с левого берега Вислы на линию Илов, Петроков. На совещании было признано целесообразным произвести и некоторые кадровые замены. Вместо генерала Ренненкампа в должности командующего 1-й армией была утверждена кандидатура командира 5-го армейского корпуса генерала А. И. Литвинова. В командовании 2-й армией генерал Шейдеман был заменен командиром 20-го армейского корпуса генералом В. С. Смирновым.

Генерал Н. И. Иванов со своей стороны доложил, что армии его фронта испытывают аналогичные трудности и хотя они продолжали «... одерживать частные успехи над австрийцами, однако рассчитывать на полную победу над ними в течение ближайших дней невозможно». Верховный главнокомандующий также уважил просьбы командующего Юго-Западным фронтом.

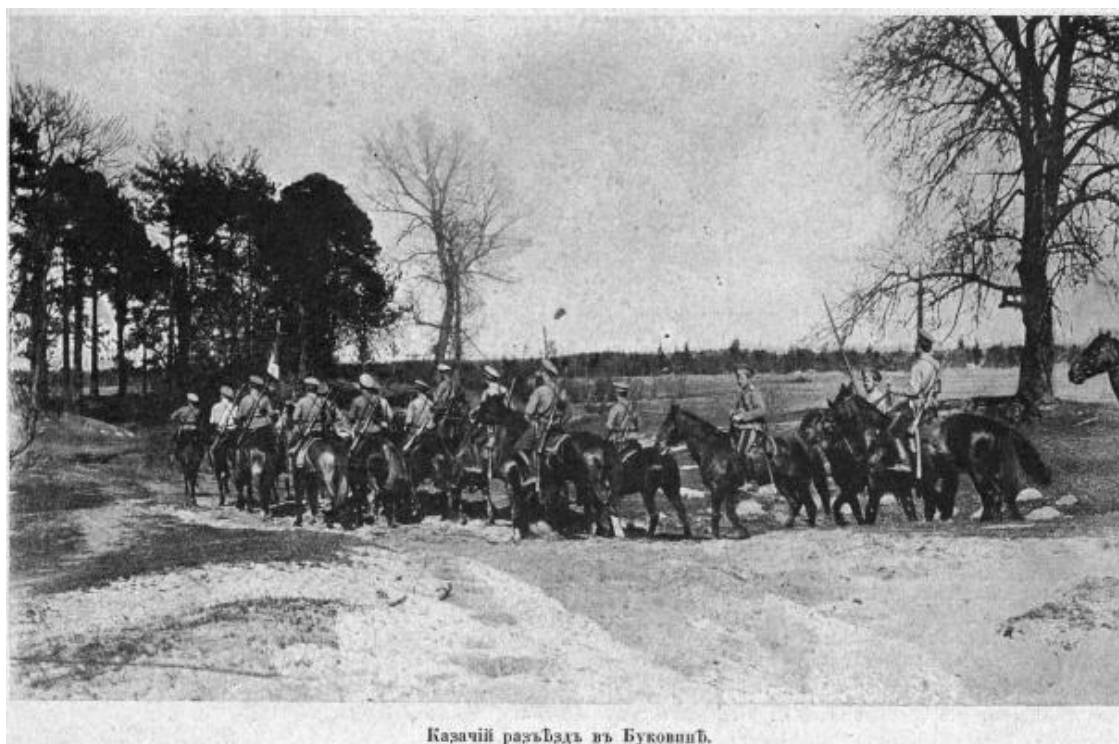

На практике это означало временный отказ Ставки от проведения стратегических наступательных операций во имя «улучшения линии фронта и пополнения войск резервами».

Инициатива от Верховного главнокомандующего и его штаба постепенно перешла к нижним инстанциям. Это привело к возникновению многочисленных кровопролитных боев в полосах обоих фронтов. Так, в декабре 1914 года только армии Северо-Западного фронта потеряли убитыми и ранеными более 200 тысяч человек, что в два раза превысило людские потери противника.

Кампания 1914 года на Восточноевропейском театре не принесла ощутимых побед ни одной из сторон. К концу декабря русские войска удерживали небольшой участок территории в Восточной Пруссии и значительные территории в Галиции. За это они заплатили потерей примерно таких же по площади территорий в Западной Польше. Людские потери русских войск в кампании 1914 года достигли полутора миллиона человек, противника – 955 тысяч.

Тем не менее операции русской армии оказали большое влияние на общий ход войны. Благодаря им был сломан стратегический план германского командования: последовательно разгромить сначала Францию, а затем Россию. Германия оказалась вынужденной вести войну на два фронта.

Казачий разъезд на Буковине.

Восточноевропейский театр войны из второстепенного постепенно превратился в главный. Если в начале войны против России противник имел 17 германских пехотных дивизий и 35,5 австрийских, то к концу года там действовало уже 36 германских и 41 австрийская дивизии.

Николай Николаевич утвердился в качестве Верховного главнокомандующего русской армии и приобрел определенный опыт стратегического руководства войсками. Но пропаганда превозносила его достоинства намного выше их фактического уровня. «Популярность его росла с каждым днем, – отмечал Ю. Н. Данилов. – Его имя стало достоянием не только армии, но и всего русского народа. Стоустая молва распространяла о нем самые легендарные рассказы.

Его видели всюду лично поспевавшим на помощь войскам, везде он пресекал зло, везде водворял порядок».

В то же время, благодаря непрекращавшимся интригам двора, отношения между Ставкой и столицей постоянно осложнялись. Это выражалось в необоснованной задержке резервов, срыве обеспечения войск материальными средствами, постоянно растущих требованиях в деле ведения служебной переписки и т. д.

На 1915 год германское командование спланировало активную оборону на Западном фронте и решительное наступление на Восточном фронте. Удары предусматривалось нанести по сходящимся направлениям: германским войскам – на Брест-Литовск, а австро-венгерским – на Львов. Такие действия должны были привести к окружению и уничтожению русских войск в «польском мешке» с последующей капитуляцией России на выгодных для Германии и Австро-Венгрии условиях.

Русская Ставка и Верховный главнокомандующий продолжали вынашивать наступательные планы, в том числе и вторжения в Германию с территории Польши. Поэтому Ставка рассчитывала зимой 1915 года нанести по противнику два удара: главный – через Восточную Пруссию на Берлин, второстепенный – через Карпаты в Венгрию. Для реализации этого плана из 103 пехотных дивизий, развернутых к тому времени на Восточноевропейском театре, 52 процента были сосредоточены против Германии, 45 % – против Австро-Венгрии и только 3 % составляли стратегический резерв. Такое планирование стратегических действий и распределение сил неизбежно вело к распылению последних, что ставило под сомнение успех всей кампании.

Допущен был и второй, весьма важный для последующих событий просчет – подготовка предстоящих боевых действий проводилась без соблюдения мер скрытности. Это позволило противнику весьма точно вскрыть замысел русской Ставки и своевременно реагировать на действия русских войск.

В начале 1915 года войска правого крыла Северо-Западного фронта провели Августовскую и Наревскую операции. В ходе Августовской операции, проводившейся в период с 12 по 25 января (25 января – 7 февраля) войсками 10-й армии генерала Ф. В. Сиверса, противник перехватил инициативу и нанес поражение русским войскам. В ее результате к 9 (22) февраля четыре русские дивизии были уничтожены или пленены, а остальные соединения армии отброшены на восток на 40–50 километров. Общие потери 10-й армии за две недели составили 56 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными, а также 185 орудий.

Генерал Рузский, стремясь взять реванш за августовское поражение своей 10-й армии, уже 17 февраля (2 марта) бросил в наступление войска 1-й и 12-й армий на Нижнем Нареве. Это привело к возникновению операции, продолжавшейся около месяца и не давшей других результатов, кроме больших людских и материальных потерь.

В середине марта измотанные войска обеих сторон со стороны Восточной Пруссии перешли к обороне. За два месяца боев в ходе Августовской и Наревской операций русские потеряли 200 тысяч человек и 280 орудий, германцы – 80 тысяч человек. Русские войска были вынуждены уйти с территории Восточной Пруссии и отдать врагу часть Западной Белоруссии.

Военные неудачи привели к смене командующего войсками Северо-Западного фронта. Генерал Рузский «заболел» и отправился на лечение. Командование фронтом принял бывший начальник штаба Юго-Западного фронта генерал М. В. Алексеев.

Тем временем войска Юго-Западного фронта пытались воплотить в жизнь замысел похода через Карпаты в Венгрию. Но пока армии этого фронта готовились к наступлению, противник смог разгадать их замысел, упредить русских в сосредоточении войск и нанесении удара. В конце первой декады января австро-германские войска перешли в наступление по всему фронту от Буковины до Мезалаборга. Весь январь и февраль 1915 года в Карпатах продолжались кровопролитные сражения. В результате неприятелю удалось несколько потеснить левофланговые корпуса фронта, которые с предгорья Карпат отошли к рекам Прут и Днестр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.